

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА АКСАКОВА

TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF IVAN SERGEYEVICH AKSAKOV

УДК 93/94; 82-6

ББК 63.3(2)522

Дмитрий Александрович Бадалян

Российская национальная библиотека, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела книговедения; Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры истории журналистики, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: dmit.bad@gmail.com

Неопубликованные письма И.С. Аксакова о Пушкинских торжествах 1880 г., участия в них Ф.М. Достоевского и М.Н. Каткова (вступительная статья, публикация и комментарии Д.А. Бадаляна)

Аннотация. События, связанные с Пушкинскими торжествами, прошедшими в Москве 5–8 июня 1880 г., многократно являлись предметом исследований литературоведов и историков. Однако до сих пор в научный оборот не введен ряд источников, представляющих обстоятельства этих торжеств и борьбы, возникшей вокруг них в русском обществе. Частично восполнить эту лауну предназначена научная публикация четырех писем И.С. Аксакова, охватывающих период с 20 июня по середину июля 1880 г. В этих впервые публикуемых и снабженных комментариями письмах, адресованных А.И. Кошелеву, А.Н. Бахметевой и Г.П. Галагану, описываются подробностями выступлений Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и И.С. Аксакова на публичных заседаниях Общества любителей российской словесности, выступлений И.С. Аксакова и М.Н. Каткова на думском обеде 6 июня и реакция на них окружающих, а также подробности других событий, связанных с Пушкинскими празднествами. В вводной части к настоящей публикации представлены общая характеристика публикуемых источников, исторический контекст их создания, а также иные подробности торжеств, известные по другим, в первую очередь неопубликованным, письмам Аксакова. В публикуемых письмах Пушкинские торжества с наибольшей, чем в описаниях многих иных современников, очевидностью предстают как событие, имевшее для русской культуры непреходящее, даже символическое значение. В не меньшей степени автора писем отличает ясное осознание того, что такое значение Пушкинские празднества обрели в результате борьбы двух противостоящих друг другу литературных и общественно-политических партий. Именно этим особенностям уделено особое внимание в ходе анализа публикуемых писем и исторического контекста их создания.

Ключевые слова: Пушкинские торжества 1880 г., славянофильство, Пушкинская речь Ф.М. Достоевского, письма И.С. Аксакова, кампания 1880 г. против М.Н. Каткова

Dmitrii Alexandrovich Badalian

National Library of Russia, PhD in History, Senior Research Fellow, Research Department of Bibliology; St. Petersburg State University, Associate Professor, Department of the History of Journalism, Russia, Saint Petersburg, e-mail: dmit.bad@gmail.com

**Unpublished letters of I.S. Aksakov
about the Pushkin celebrations of 1880,
participation in them by F.M. Dostoevsky and M.N. Katkov**
(Introductory article, publication and comments by D.A. Badalian)

Abstract. The events associated with the Pushkin Celebrations that took place in Moscow on June 5–8, 1880, have repeatedly been the subject of researches conducted by literary critics and historians. However, a number of sources representing the circumstances of these celebrations and the struggle that arose around in Russian society have not yet been introduced into scientific discourse. To fix that issue, this scientifically prepared publication of four letters of I.S. Aksakov, covering the period from June 20 to mid-July 1880, is written. In these first published letters addressed to A.I. Koshelev, A.N. Bakhmeteva and G.P. Galagan, there are described the details of public speeches at the meetings of the Lovers of Russian Literature Society by F.M. Dostoevsky, I.S. Turgenev and I.S. Aksakov, public speeches at the Duma dinner on June 6 by Aksakov and M.N. Katkov, and the reaction of the environment, as well as details of other events related to the Pushkin Celebrations. The introductory article presents a general description of the published sources, the historical context of their creation, as well as other details of the celebrations known from other, yet unpublished letters of Aksakov. Published Pushkin Celebrations letters make it more obvious (than the descriptions of many other contemporaries), that this event had an enduring, even symbolic significance for Russian culture. To no lesser extent, the authors of the letters is distinguished by a clear vision that the Pushkin Celebrations acquired such significance as a result of the struggle between two opposite literary and socio-political parties. These features are given special attention in the course of the analysis done in the introductory article.

Key words: Pushkin celebrations of 1880, Slavophilism, Pushkin's speech by F.M. Dostoevsky, letters by I.S. Aksakov, campaign against M.N. Katkov in 1880

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.040-073

Пушкинские торжества, состоявшиеся в Москве 5–8 июня 1880 г., многократно являлись предметом исследования и в целом, и в отдельных аспектах¹.

¹ См., например: Волгин И.Л. Последний год Достоевского. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 289–415 [1]; Левит М.Л. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994 [2]; Шмидт С.О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // С.О. Шмидт. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. С. 254–300 [3]; Кунильский Д.А. Возвращение к Пушкину. Пушкинская речь И.С. Аксакова как результат эволюции славянофильства // Христианство и русская литература: сб. 8. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. С. 487–500 [4]. Фокин П.Е., Петрова А.В. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 162–195 [5]; Викторovich В.А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 48–69 [6].

Их историография основывается на обширном массиве источников. Однако повествующие об этих событиях документы введены в научный оборот отнюдь не в полной мере. Примером чему служит ситуация с письмами непосредственного участника торжеств И.С. Аксакова. Исследователи нередко обращаются к его письмам 1880 г. о Пушкинских празднествах (и в первую очередь о выступлении на них Ф.М. Достоевского). Это письмо от 20 августа, адресованное самому Достоевскому², письма О.Ф. Миллеру от 14 июля и 17 августа³ и послание Е.Ф. Тютчевой от 14 июня⁴. Относительно хранящихся в фонде Достоевского ОР РГБ двух писем к О.Ф. Миллеру необходимо отметить, что опубликованы они с некоторыми неисправностями и только частично, оба они содержат изложение фактов и рассуждения, не вошедшие в публикацию. С письмом Е.Ф. Тютчевой другая проблема – после его издания (при котором было опущено имя адресата) местонахождение подлинника остается неизвестно. Уверенно утверждать же, что оно было адресовано Е.Ф. Тютчевой, позволяет публикуемое ниже письмо Аксакова А.Н. Бахметевой 20/21 июня 1880 г., в котором автор ссылается на это послание. Кроме того, ниже публикуются еще четыре письма Аксакова, включая одно, дошедшее до нас не полностью. Прежде чем подробнее представить их, отметим, что и они не исчерпывают весь свод аксаковских писем, рассказывающих о Пушкинских праздниках. Так, ряд связанных с ними интересных обстоятельств Аксаков передал в посланиях жене, А.Ф. Аксаковой (которая незадолго до того отправилась в столицу для участия в похоронах императрицы Марии Александровны), а также в письме зятю, Е.А. Томашевскому.

* * *

Связь Аксакова с Пушкинскими торжествами определял целый ряд обстоятельств. В том числе и то, что он входил в комитет из московских общественных деятелей и литераторов, который в конце 1871 г. выбрал место для установки будущего памятника А.С. Пушкину, а в 1872 г. объявил конкурс моделей памятника (в этот комитет, отметим, среди прочих входили П.И. Бартевнев, М.Н. Катков, М.П. Погодин, Ю.Ф. Самарин и кн. В.А. Черкасский). Организацию основной части Пушкинских торжеств в 1880 г. взяло на себя Общество любителей российской словесности при Московском университете. Аксаков был его давний член, а в 1872–1874 гг. являлся председателем Общества.

Стоит вспомнить, что последние перед установкой памятника 15 лет, имя Пушкина было предметом острой борьбы литературных партий. В 1865 г.

² См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому / публ., вступ. ст. и коммент. И.Л. Волгина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Вып. 4, т. XXXI. С. 349–362 [7].

³ См.: Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / ст., публ. и коммент. Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86: Ф.М. Достоевский: новые материалы и исследования / под ред. И.С. Зильберштейна и Л.М. Розенблюм. М.: Наука, 1973. С. 511–513, 514–516 [8].

⁴ См.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 90–99 [9].

Д.И. Писарев, доведя до крайности подходы, выработанные прежде В.Г. Белинским, Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым, в статье «Пушкин и Белинский» подверг творчество Александра Сергеевича самому бесцеремонному разбору. В частности, он заявил: «Пушкин пользуется своею художественною виртуозностью как средством посвятить всю читающую Россию в печальные тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственно-го бессилия» [10, с. 276]. Близкие этому мнения в последующие годы отстаивали В.А. Зайцев, М.А. Антонович и А.Н. Пыпин и др. Оценка Пушкина увязывалась с лозунгами, которые выдвигали деятели либерального и социалистического направлений. Таким же литературным критикам, как Н.Н. Страхов, оставалось угрюмо сетовать: «Понимание Пушкина находится в великом упадке в наше время», – и добавлять: «Нельзя сказать, чтобы подписка на памятник шла очень блистательно и быстро. Наши журналы, кроме нескольких веских слов, сказанных “Московскими ведомостями”, встретили это дело глухим молчанием» [11, с. 524].

Тем не менее пусть и в неравных условиях борьба вокруг имени Пушкина продолжилась, и результатом ее явилось открытие в Москве первого ему памятника (работы А.М. Опекушина). Время его открытия 26 мая 1880 г. планировали совместить с днем рождения поэта, но траур, объявленный по скончавшейся 22 мая императрице Марии Александровне, стал причиной переноса торжеств. Организацией их занималась комиссия, составленная из членов Общества любителей российской словесности под председательством Л.И. Поливанова. В нее вошли: председатель Общества С.А. Юрьев, секретарь Общества Н.П. Аксаков, а также П.И. Бартенев, П.Е. Басистов, М.М. Ковалевский, В.Ф. Миллер, казначей Общества Ф.Б. Миллер и Н.А. Чаев.

Еще до объявления о переносе праздничных мероприятий, 22 мая 1880 г., Аксаков в письме Е.А. Томашевскому рассказывал: «...меня принудили непременно прочесть речь или статью о Пушкине в торжественном заседании Общества люб<ителей> р<оссийской> словесности, 27 Мая, в зале Благор<одного> собрания (приятно очень в этом зале читать: там можно только разве петь!). Долго отнекивался, но Тургенев написал ухлое⁵ послание к председателю Общества, что необходим голос славянофильский, что мой отказ будет растолкован в дурную сторону. Делать нечего, пришлось засесть за работу» [12, л. 17–17 об.]. Отметим, что в четырех письмах Тургенева к председателю Общества Юрьеву, датированных 7, 10, 17 и 21 мая, нет ни одного упоминания об Аксакове или иных оппонентах автора. Очевидно, Юрьев, будучи заинтересованным в привлечении на трибуну торжеств известных литераторов и общественных деятелей, понимал: для Аксакова важным мотивом к выступлению на празднике станет подобное заявление, якобы сделанное одним из сильнейших его оппонентов.

⁵ Так в подлиннике. Вероятно, описка вместо «ушное».

Однако идея прибегнуть к такой уловке возникала у Юрьева не на пустом месте: он ясно видел отношения, сложившиеся между двумя недружественными станами. Вот и Достоевский, когда получил приглашение на Пушкинские торжества, вероятно, колебался, стоит ли принять его и, прервав работу над «Братьями Карамазовыми», отправиться в Москву, где многие будут ему не рады⁶. И, уже приняв решение и находясь в Старой Руссе, где он готовил текст выступления, писатель 19 мая обращается к К.П. Победоносцеву: «И оказывается, как я уже и предчувствовал, что не на удовольствие поеду, а даже, может быть, прямо на неприятности. Ибо дело идет о самых дорогих и основных убеждениях. Я уже и в Петербурге мельком слышал, что там в Москве свирепствует некая клика, старающаяся не допустить иных слов на торжестве открытия, и что опасаются они некоторых ретроградных слов, которые могли бы быть иными сказаны в заседаниях Люб<ителей> российской словесности, взявших на себя все устройство праздника. <...> Даже в газетах уже напечатано про слухи о некоторых интригах» [13, с. 156].

Поначалу Достоевский ожидал, вероятно, что столкнется в Москве не с борьбой, а с откровенной обструкцией. Ведь именно это он наблюдал во время шумного появления И.С. Тургенева в С.-Петербурге более года назад, когда либералы использовали для политических демонстраций любой подходящий повод⁷. Одним из них стал так называемый «тургеневский обед» 13 марта 1879 г., где после провозглашенного главным гостем эвфемистического тоста за «идеал», в который одинаково верят старшее и младшее поколения, Достоевский поинтересовался, что тот имеет в виду. И тогда его «странная и неуместная выходка», как заявила либеральная газета «Новости», «была встречена всеобщим протестом»⁸. Добавим: подобные обеды в честь Тургенева чуть ранее устраивались и в Москве. На них, по докладам агентов III отделения, звучали речи, в которых «почти прямо высказывалось, что Россия стоит накануне конституционного переворота и какой-то особой демократизации»⁹. Заслуживает внимание то, что III отделение, десятилетиями преследовавшее «национальное направление», следило за такими заявлениями, знало о них, но не пресекало.

⁶ См.: Фокин П.Е., Петрова А.В. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как событие... С. 164.

⁷ См.: Лавров П.Л. И.С. Тургенев и развитие русского общества // Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л., 1930. С. 48–49, 53 [14]; Генералова Н.П. Невероятное путешествие Тургенева в Петербург и Москву (февраль–март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3. С. 85–87 [15].

⁸ См.: Коломенский Кандид <Михневич В.О.> Вчера и сегодня // Новости. 1879, 18 марта. № 70. С. 4 [16]. См. об этом подробнее: Генералова Н.П. Невероятное путешествие Тургенева в Петербург и Москву... С. 92.

⁹ См.: Тургенев в материалах перлюстрации III отделения и департамента полиции. I. Письма к Тургеневу и отзывы о нем (1861–1879) / публ. К.Г. Ляшенко и А.Л. Смоляк // Литературное наследство. Т. 76: И.С. Тургенев: новые материалы и исследования / под ред. А.Н. Дубовикова и И.С. Зильберштейна при участии К.П. Богаевской. М.: Наука, 1967. С. 325 [17].

Надо признать, что опасения Достоевского были во многом оправданы. Как позднее вспоминал Бартенев, «...в одном из заседаний пригготовительной комиссии едва было не постановили не допускать Достоевского к чтению чего-либо на Пушкинском празднике (т. е. пытались поступить с ним так же, как поступили с Катковым. – Д.Б.). Некоторые члены комиссии настаивали на таком недопущении, потому что Достоевский якобы нанес Тургеневу обиду, спросив его прямо и во всеуслышание, на одном из петербургских общественных обедов, что именно хочет он от наших студентов, и тем привел знаменитого друга молодежи в неловкое положение и смущение. На этот раз большинство членов комиссии не допустило такого остракизма; но прения были горячие» [9, с. 97 (прим.)].

Похожим образом, хотя и не так обостренно, как Достоевский, воспринимал ситуацию в московском образованном обществе И.С. Аксаков. В письме Томашевскому, упомянув о готовившейся им речи, он добавлял: «Успеха не ожидаю, по крайней мере, единодушно: Университет Московский с университетскою молодежью стали истинным гнездом западничества, тогда как в Петербурге очень сильная партия между профессорами в нашем направлении. Молодой Соловьев должен был искать степени доктора философии в Петербурге, потому именно, что он свою философию приводит к исповеданию христианства и православия. Вот как времена изменились!» [12, л. 17 об.].

Если, отправляясь в Москву, Достоевский готовился к неравному бою, то по приезде он пусть и не сразу увидел иной, чем год назад, расклад сил. Он нашел здесь союзников и потенциальных слушателей. Этому способствовал ряд встреч, в том числе и с Аксаковым. 24 мая, на следующий день после приезда, Достоевский сам заезжал к нему домой, но не застал его. Встретились они и смогли поговорить на следующий день, 25 мая, на обеде, устроенном москвичами (формально – сотрудниками журнала «Русская мысль») в честь писателя в ресторане гостиницы «Эрмитаж».

Возвратившись после этого застолья Аксаков рассказывал в письме жене: «Обед очень удался. Было всего человек 30 или менее. Но много очень говорили, рассуждали, спорили. Достоевский безбоязненно и с полной искренностью исповедовал свои церковные и монархические убеждения, коробившие многих присутствовавших. Говорил о Пушкине, и оказалось, что в некоторых пунктах мы с Дост<оевским> сошлись слово в слово» [18, л. 189 об.–190]. Вероятно, для петербургского гостя этот обед послужил своего рода разведкой боем.

Вечером же следующего дня, рассказывая в новом письме жене об очень серьезном, «без аффектации» сожалении, вызванном «в народе и даже обществе» смертью императрицы, Аксаков снова вспомнил писателя: «Чистота ее жизни и скромность предстали общей памяти, а главное – ее православие. Даже Достоевский говорил вчера об этом очень искренно – молодым людям, молча, но с уважением его слушавшим» [18, л. 191].

В тот же день, 26 мая, утром, Аксаков и Юрьев навестили Достоевского в гостинице, чтобы убедить его дожидаться откладываемых пока Пушкинских торжеств. После общения с ними, а затем с еще с несколькими литераторами Достоевский уверился в необходимости своего участия в празднествах. И на следующий день, 27 мая, он писал жене: «...в восстановлении значения Пушкина по всей России все видят средство к новому повороту убеждений, умов, направлений» [13, с. 166]. В другом письме ей 28–29 мая он развивал ту же мысль: «Дело главное в том, что во мне нуждаются не одни “Любители р<оссийской> словесности”, а вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет, ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь университет) решительно хочет умалить значение Пушкина как выразителя русской народности, отрицая самую народность» [13, с. 169].

Иначе говоря, еще до начала будущих торжеств наиболее искушенная часть общества воспринимала их как важный повод для столкновения двух противостоящих партий. В том же письме, объясняя, что с их стороны достойным оппонентом Тургеневу и Ковалевскому является один только Аксаков, который, однако, «и устарел, и приелся Москве», Достоевский заявил: «Мой голос будет иметь вес, а стало быть, и наша сторона восторжествует. Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы» [13, с. 169].

В письме Томашевскому от 22 мая Аксаков рассказывал о своей работе над текстом будущей речи: «Написал было – да на час чтения, а дают только по 40 минут на брата! Должно переделывать. И так как предварительно считываться мы не будем, то будут и повторения, и противоречия» [12, л. 17 об.]. На обеде в «Эрмитаже», как мы уже знаем, это предположение подтвердилось, и позднее, 31 мая, Достоевский написал жене о своей речи: «Аксаков объявил, что у него то же самое, что у меня. Это дурно, если мы так уже буквально сойдемся в мыслях» [13, с. 174]. Аксаков же рассказывал Е.Ф. Тютчевой о том, что, узнав о «сходстве направлений» приготовленных ими речей, они оба постарались, чтобы выступления их были назначены на разные дни. По программе праздников Аксаков должен был произносить речь на заседании Общества любителей российской словесности 7 июня, а Достоевский – 8 июня¹⁰.

28 мая Аксаков закончил было работу над текстом речи, о чем вечером того же дня сообщил в письме жене¹¹. Впрочем, когда 6 июня в залах Дворянского собрания был устроен большой обед по подписке, он не стал дожидаться его окончания, потому что, как объяснил Е.Ф. Тютчевой, «спешил домой пересмотреть свою речь и заняться ее сокращением»¹². Вероятнее всего, работа над текстом выступления протекала у Аксакова в несколько этапов, и в

¹⁰ См.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 96.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 10. Ед. хр. 235. Л. 194.

¹² См.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 95.

опубликованном варианте его содержание заметно отличается от речи, произнесенной Достоевским¹³.

Сам Аксаков рассказывал о своей речи в письме О.Ф. Миллеру 14 июля: «Я должен был (так было условлено с Юрьевым) прочесть ее в первый день и одним из первых. Не зная еще, что будут говорить другие, я хотел с самого начала поставить вопрос о народности в литературе вообще и показать, как он у нас поставлен историей, для того чтобы все последующие чтения о Пушкине ложились на этом фоне, выходили узорами по данной канве. Но мне пришлось читать чуть не последнему и предлагать канву после узоров; вот почему я не хотел уже вовсе читать» [20, л. 10–10 об.].

В публикуемом ниже письме Кошелеву от 20 июня Аксаков объясняет: «...бестолковость, отчасти, может быть, нерасположение Комиссии или распорядителей отодвинули меня на последний день, уже к 5 часу»¹⁴. Однако такое «нерасположение Комиссии» заслуживает особого комментария. Технологии, отработанные Ковалевским и его подручными в 1879 г. при торжественных встречах, устраиваемых в Москве Тургеневу¹⁵, продолжили применять и во время этого празднества. 7 июня 1880 г. Достоевский в письме жене, рассказывая о горячем приеме, устроенном Тургеневу на литературном вечере, добавлял: «За кулисами (огромное место в темноте) я заметил до сотни молодых людей, оравших в исступлении, когда выходил Тургенев. Мне сейчас подумалось, что это клакеры, claque, посаженные Ковалевским. Так и вышло...» [13, с. 182]. В том же письме далее он сообщал: «Несколько незнакомых людей подошли ко мне и шепнули, что завтра, на утреннем чтении, на меня и Аксакова целая кабала» [13, с. 182].

Известно, «кабала», т.е. заговор против писателя, оказалась безуспешна, а вот в отношении Аксакова она хотя бы в некоторой степени имела результат. Достоевский, вспоминая увиденных им накануне клакеров Тургенева, далее писал: «...сегодня, ввиду этой клаки, на утреннем чтении речей Иван Аксаков отказался читать свою речь после Тургенева (в которой тот унижил Пушкина, отняв у него название национального поэта), объяснив мне, что клакеры заготовлены уже давно и посажены нарочно Ковалевским (всё его студенты и все западники), чтоб выставить Тургенева как шефа их направления, а нас унижить, если мы против них пойдем» [13, с. 182].

Выступление Аксакова было отложено на следующий день. Но из-за нескольких нарушений регламента он не смог прочесть речь в начале заседания и должен был предшествовать непосредственно выступлению Достоевского. Об этом сам Аксаков рассказывал в письме Е.Ф. Тютчевой и добавлял: «...но, видя его нервное беспокойство, я и предложил ему читать первому» [9, с. 96]. Таким

¹³ См. об этом: Вихрова Н.Н. Иван Сергеевич Аксаков и «пушкинский вопрос» в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 1999. С. 179–181 [19].

¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 110 об.

¹⁵ Там же. Л. 110.

образом, избавив слушателей от «вводных» рассуждений о народности, Аксаков способствовал увеличению эффекта, произведенного речью Достоевской, и сам оказался в тени его успеха. Обе подготовленные ими речи (Аксаков, как объяснял он в письмах Кошелеву и Бахметевой, после феерического успеха Достоевского, не стал читать свою речь целиком, а лишь избранными фрагментами) объединяло отношение и к произведениям Пушкина, и к творчеству вообще как выражению народности, т. е., говоря современным языком, национального сознания. При этом проявление национального сознания в искусстве и в отношениях с общечеловеческим наследием, с общечеловеческими достижениями и ценностями оба они рассматривали не как противостояние, а как антиномическую связь. Ведь, по словам Достоевского, «...стать вполне русским, может быть, и значит только ... стать братом всех людей, *всечеловеком*»¹⁶.

Тем не менее Аксаков привнес в этот подход свои акценты и свои антиномии. В частности, представляя отношения «земли» и государства, он заявил: «Пушкин любил русский народ не отвлеченно, а вместе с той реальной исторической формой, в которую он сложился и в которой живет и действует в мире, – любил и Русскую землю, и русское государство, держа их в своей душе в том тесном любовном союзе, в каком содержит их и душа народа, вопреки всех временных ошибок и уклонений государственной власти» [22, с. 282–283]. И в то же время немногим далее Аксаков продолжал: «Пушкин не был певцом ни официальных торжеств, ни официального величия; был чужд и слепого, узкого национального эгоизма, Россия для него имела широкое историческое “предназначение” не только славянское, но и мировое» [22, с. 283].

Спустя десять лет после пушкинских торжеств П.И. Бартенев рассказывал: «Когда Достоевский сошел с кафедры, кто-то подошел к нему и, обнимая его, заметил: “Сущность вашей речи была выражена Хомяковым, братьями Киреевскими и К.С. Аксаковым”. – “Совершенно справедливо”, отвечал Достоевский» [9, с. 97 (прим.)]¹⁷. Аксаков через неделю после произнесения речи Достоевским с ясной уверенностью объяснял: она явилась «истинным *событием* в историческом развитии русского общества – великим актом нашего народно-го самосознания, <...> и в конце концов торжеством того русского направле-

¹⁶ См.: Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Дневник писателя 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август. Л.: Наука, 1984. С. 147 [21].

¹⁷ Об идеях и воззрениях славянофилов, получивших развитие в Пушкинской речи Достоевского, см.: Вихрова Н.Н. Иван Сергеевич Аксаков и «пушкинский вопрос» в русской литературе... С. 179, 182–184; Бадалян Д.А. «Прототипы» идей Пушкинской речи Ф.М. Достоевского в произведениях А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и И.С. Аксакова // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Научные труды МГИ им. Е.Р. Дашковой. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2003. С. 363–371 [23]; Викторovich В.А. Четыре вопроса к Пушкинской речи // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 288–293 [24]; Бадалян Д.А. Публицистика славянофилов о Петре I и его реформах // «Он весь как Божия гроза»: Образ Петра I в русской дореволюционной журналистике / под ред. О.С. Кругликовой. СПб.: Алетей, 2022. С. 126 [25].

ния или так называемого славянофильского, к которому принадлежало столько дорогих мне лиц» [9, с. 91].

В письме же от 17 августа, адресованном О.Ф. Миллеру, Аксаков внес в ту же самую мысль новые акценты, рассуждая о речи Достоевского таким образом: «Ее трудно отделить от самого факта произнесения и впечатления, ею произведенного. Мысли, в ней заключающиеся, – не новы ни для кого из славянофилов. Глубже и шире поставлен этот вопрос у Хомякова и у брата К<онстантина> Серг<еевича>. Но Дост<оевский> поставил его на художественно-реальную почву, он отважился в упор публике, совсем не под лад ему и его направлению настроенной, высказать несколько мыслей, резко противоположных всему тому, чему она только что рукоплескала, и сказать с такою силой суждения, которая, как молния, прорезала туман их голов и сердец, – и, может быть, как молния же, и исчезла, прожегши только души немногих» [8, с. 515]¹⁸.

Участие в Пушкинских торжествах существенно сблизило прежде лишь хорошо знакомых Аксакова и Достоевского. По воспоминаниям Е.Н. Опочинина, последний уже после произнесения им своей речи говорил, что «он только теперь по-настоящему узнал И.С. Аксакова и жалеет о том, что это не случилось раньше»¹⁹.

Среди других событий, происходивших вокруг Пушкинских торжеств, в отношении к которым проявилась солидарность Достоевского и Аксакова, – два скандальных эпизода, связанных с интригами и борьбой, развернутыми в отношении Каткова. Первый – произошел еще до начала праздника, когда ему, редактору «Московских ведомостей», отказали в приглашении на мероприятия Общества любителей российской словесности. Рассказывая о том, Аксаков отмечает, что председатель Общества Юрьев сделал это под давлением комиссии по организации торжеств. Автор письма знал об этом, скорее всего, от Бартенева, члена комиссии, которая (точнее, ее либеральное большинство), как подчеркивал Аксаков в послании Кошелеву 20 июня, заставила Юрьева пойти на это.

Второй, более известный скандал был раздут в либеральной прессе вокруг краткой застольной речи Каткова (направленной, подчеркнем, к примирению враждующих сторон) на думском обеде 6 июня. Подробности этой истории описаны в публикуемых ниже письмах. Отметим здесь только одну из них: еще прежде выступления Каткова вокруг его фигуры была создана столь нервная обстановка, что родные его, идя на торжественный обед, заранее ожидали провокаций. О возникшем накале страстей косвенным образом свиде-

¹⁸ Исправлено по: ОР РГБ. Ф. 93 II. Карт. 1. Ед. хр. 23. Л. 12 об. [20].

¹⁹ См.: Опочинин Е.Н. Беседы с Достоевским // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 6. С. 91 [26]. Об отношении Аксакова и Достоевского см.: Пирожкова Т.Ф. «Живая связь любви» (О речи И.С. Аксакова на Пушкинских торжествах 1880 г.) // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России // отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2000. С. 130–141 [27].

тельствовавший и один из ярких противников Каткова М.М. Ковалевский. Он рассказывал в своих воспоминаниях: «Тургенев стоял решительно за то, чтобы приглашенным идти непременно на устроенный думой обед, невзирая на неприятность неизбежной встречи; “...если Катков, – писал он в письме к одному из лиц, державшемуся противоположного взгляда, – что-нибудь себе позволит, мы встанем и удалимся”» [28, с. 141]. По сути, Ковалевский, Тургенев и иже с ними стремились использовать литературно-общественное мероприятие для травли своего оппонента.

В целом же Пушкинские торжества явились не просто победой одной из литературных и общественных партий над другой, но этапом в развитии нации, в осознании ею своих идеалов и целей. На фоне переживаемого властью и обществом кризиса 1878–1881 гг. эти праздники были ознаменованы приливом энтузиазма. Потому и Достоевский отмечал, что они вызвали «всеобщий подъем духа, вообще близкое ожидание чего-то лучшего в грядущем»²⁰.

Аксаков же, который с особой чуткостью следил за реакцией молодежи, склонен был видеть важный итог торжеств в их влиянии на молодое поколение. В письме от 22 июля П.А. Кулаковскому, работавшему тогда в Белграде, он рассуждал таким образом: «Может быть, я ошибаюсь, но, кажется, так называемый нигилизм начинает пошлеть и выдыхаться в новых молодых поколениях. Начинается заметная реакция. Это выразилось отчасти на Пушкинских празднествах. Пушкин снова поставлен на пьедестал, с которого его было сбросили Писарев, Чернышевский, Пыпин и К°, и даже на пьедестал высший. – Ну, человек, который способен будет чувствовать красоты поэзии и признавать власть искреннего, чистого, не тенденциозного искусства, не станет стрелять из-за угла, не будет делать подкопов и грабить полковые ящики. – Успех речи Достоевского (о чем Вы, вероятно, читали в газетах) также очень знаменателен. Одним словом, можно надеяться, что уже не будут в России воспитываться нигилисты для славянских земель» [29, с. 572–573].

Да, дальнейшие события показали, что ожидания эти оказались весьма завышены и успех Пушкинских торжеств не означал окончательного поражения нигилизма, так же как успех Достоевского не обернулся столь чаемым им примирением славянофилов и западников. Однако в этих словах кроется и иной важный смысл. Аксаков ясно ощущал противостояние имени Пушкина, ставшего в те дни национальным символом, и пушкинского творчества безнациональному, нигилистическому, по сути – революционному сознанию, с которым вели борьбу и он, и Достоевский.

* * *

Публикуемые письма обращены к трем близким знакомым Аксакова. Письма № 1 и № 4 – к гласному Московской думы Александру Ивановичу Ко-

²⁰ См.: Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1: Письма, 1878–1881 / подгот. и примеч. А.В. Архипова и др.; ред. Н.Ф. Буданова и др. Л.: Наука, 1988. С. 190.

шелеву (1806–1883). Когда-то деятельный славянофил, издатель «Московского сборника» (1852 г.) и журнала «Русская беседа», редактором которых являлся Аксаков, в последнее десятилетие жизни сблизился с либералами и либеральными изданиями и с декабря 1880 г. около полутора лет финансировал выпуск газеты «Земство». На публикацию речи Достоевского он позднее с заметной долей критики отреагировал в «Отзыве по поводу слова, сказанного Ф.М. Достоевским на Пушкинском торжестве», опубликованном в журнале «Русская мысль»²¹. Письмо № 2 адресовано писательнице, почетному члену Общества любителей российской словесности Александре Николаевне Бахметевой (урожд. Ховриной, 1823/24–1901). Она была близкой знакомой семьи Аксаковых, а также Тургенева, для которого, как считается, послужила прототипом героини «Дворянского гнезда» Лизы Калитиной. Письмо № 3 – Григорию Павловичу Галагану (1819–1888), видному земскому деятелю, который в 1869–1882 гг. служил председателем съезда мировых судей, а в 1874–1882 гг. – предводителем дворянства Прилукского уезда Полтавской губернии. Наконец, в последние пять лет жизни Галаган являлся членом Государственного совета. У себя на Полтавщине он был известен еще как основатель особого учебного заведения – Коллегии Павла Галагана, названной так в честь его безвременно умершего сына.

Все четыре письма публикуются впервые по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Пунктуация и орфография (включая написание строчных и прописных букв) приближены к современным нормам. Сокращения и конъектуры раскрыты в угловых скобках. Подчеркнутые автором слова выделены курсивом.

№ 1

Письмо И.С. Аксакова А.И. Кошелеву 20 июня 1880 г.

20 июня <18>80 г. Москва.

Поручение Ваше исполнил, любезнейший Александр Иванович, 10 тысяч рублий от Ольги Федоровны¹ получил, внес их на Ваш условный текущий счет и храню расписку². Я жалею, напротив, что, Вас не было на праздниках Пушкина: ничего подобного Вы еще у нас не видали. Вышло все неожиданно величаво, умилительно, хорошо³. Скептически, с иронией относились мы все к открытию памятника, нехотя брались за дело (упрекаю себя в том, что не постарался попасть в члены Комиссии⁴ – многих лишних глупостей бы не было), – казалось – и люди, и распоряжения нелепы, – и изо всего этого выросло истинное *событие*. Мы сами не подозревали, сколько назрела наша

²¹ См.: Кошелев А.И. Отзыв по поводу слова, сказанного Ф.М. Достоевским на Пушкинском торжестве // Русская мысль. 1880, Октябрь. С. 1–6 (6-й паг). [30].

мысль и наше сознание, – и сами не отдавали себе отчет в значении Пушкина. Многозначительна была минута открытия памятника! У Вас бы, как у меня, наверное, брызнули бы слезы. Ведь это, – как я на днях кому-то писал, – это победа духа над плотью, первая у нас; это торжество силы нравственной, силы ума и таланта, над грубою внешнею силою государственною⁵. Весело было видеть представителей власти, смиренно сидящих под бюстом Пушкина, поставленном на целой горе лавров, – в Думе, при приеме депутатов⁶; еще веселее было их видеть (в том числе и члена царской фамилии⁷) с обнаженными головами, пред памятником, в виду и при кликах чуть не пятидесятитысячной толпы народа!⁸

Затем, не мог я не порадоваться вообще успехам народного самосознания. Это заметно было из всех речей. Некоторые затхлые западники, вроде милейшего и добродушнейшего Тургенева, подпустили несколько своего душку, прошлись по Белинскому и Некрасову⁹, – но пальма первенства, настоящим героем праздника явился *Достоевский*, который своею статьею совершенно потопил и Тургенева (не решавшегося назвать Пушкина национальным поэтом¹⁰) и Белинского¹¹, не называя их. Поэтому-то успех его и так важен в моих глазах. Он увлек ту самую молодежь, которая и в прошлом году, и еще накануне, делала, по условленным сигналам Ковалевского¹², восторженные овации Тургеневу¹³. – Поэтому также я и счел нужным взойти на кафедру и *подчеркнуть* значение этого успеха, утвердить его.

Мой личный успех был на 1-м обеде думском. Дума обратилась ко мне и к Каткову с просьбой – сказать речи. Я выбрал тост за Пушкина; сказал его очень *одушевленно* и, по общему сознанию, положил начало одушевлению, дал тот высокий, почти лирический тон, который продолжался три дня с лишком¹⁴. Катков несколько умалил успех этого речевого выступления. Тема его речи была хороша, и она была бы уместна вполне, если бы не он ее произносил. Тут слишком чувствовалось, *qu'il plaide sa cause*^{*15}. Тем не менее на такую речь можно было отвечать не иначе, как сочувствием, – я подошел к нему, чокнулся и обнял (невидав его уже два года); тоже сделал и Достоевский, и поэт Майков¹⁶, и еще несколько. На другой же день, однако появилась в Вашем любимом, но тем не менее гнуснейшем «Голосе»¹⁷ – лживая, гнусная телеграмма¹⁸. – Что касается до моей речи, то она была писана в виду того, что мне придется читать второму в первый день, как это мне было обещано, – но бестолковость, отчасти может быть нерасположение Комиссии или распорядителей отодвинули меня на последний день, уже к 5 часу¹⁹. Я и не хотел ее читать после такого успеха Достоевского (следовало бы просто им и закончить) ибо моя речь – трактат, рассуждение, – но публика заставила²⁰, и я прочел, но только отрывки. Она появится в «Русском архиве» целиком²¹. Я полагаю, что лучшего председателя на эти дни, как Юрьева²², нельзя было иметь, не по практичности распоряжений (тут

* Что он защищает себя (*фр.*).

он со своим Поливановым²³ ни к черту не годится), а для соглашения личного этой массы литературных самолюбий. Он со всеми хорош. Но что было отвратительно и глупо, это остракизм, которому подвергла Комиссия Каткова, *заставив* Юрьева написать ему известное письмо! Я тотчас же послал протест Юрьеву, что я как член Общества, не уполномочивал председателя выражать кому-либо симпатии и антипатии. Поэтому Катков и не отдает отчета об этих заседаниях, и лучшие статьи не попали к Юрьеву. Но С<ергей> А<ндреевич> был истинно жалок: до такой степени его замучили, и не хотел бы я быть в его положении. Вообще эти дни, когда с утра до глубокой ночи, во фраке и белом галстуке, приходилось обр<е>таться в обществе нескольких тысяч человек, в постоянном возбуждении, в гуле речей и рукоплесканий, были страшно утомительны. А хорошо, что они были.

Прощайте. Бодритесь и пишите Ваши записки²⁴. Не торопитесь осуждать Лорис-Меликова²⁵. Он устраивает Вам покуда сельскохозяйственные съезды...²⁶. Пользуйтесь этим.

Ваш, как всегда

Ив. Аксаков

Пожертвуйте мне рублей *двести* на славян. Одолевают. Очень нужно.

РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 109–111. Подлинник. Автограф.

№ 2

Письмо И.С. Аксакова А.Н. Бахметевой 20/21 июня 1880 г.

Да, любезнейшая Александра Николаевна, я истинно скорбел, что Вас не было на Пушкинских празднествах. Надеюсь, что Китти, которой я послал подробное описание²⁷, переслала Вам мое письмо, как я ее об этом просил. Никто горячее Вас не принял бы участия в этом общественном *событии*. Затем мне лично хотелось очень иметь Вас в числе слушательниц²⁸. Во время оно, Алекс<андра> Осиповна Смирнова²⁹ толковала мне, что когда женщина рядится перед балом, то она никогда не берет в расчет *всей* бальной толпы, а непременно имеет в виду двух-трех кавалеров, которым желала бы понравиться. Так и автор, или, по крайней мере, я – имею в виду, когда приходится всходить на кафедру или вообще говорить пред публикою, никак не всю публику, а нескольких человек, вниманием которых дорожу; вот почему мне Вас и не доставало. Впрочем, кроме спича, произнесенного мною за обедом и – должен признаться – произнесенного с таким одушевлением, которое электрически передалось всем присутствовавшим, Вам почти* не пришлось бы меня слушать.

* Вставлено над строкой.

Кстати: *Вашему* совету обязан я одним из главнейших корректив спича. Вы указали мне на стихи Языкова, и прочел я их хорошо³⁰. Затем мне пришлось импровизировать маленькую речь по поводу Достоевского: мне хотелось подчеркнуть его успех, утвердить его, потому что я придаю этому успеху большое значение. Что же касается моей статьи или речи о Пушкине, то я прочел из нее лишь отрывки, и то по настоянию публики. Она имела бы больше значения, если б была прочитана в первый день, но не в конце второго, и не после Достоевского. Впрочем она появится целиком в «Русском архиве», который весь посвящен Пушкину³¹. Юрьеву я ее не дал³², откровенно ему разъяснив, что не хочу явиться солидарным с безобразными распоряжениями его или Комиссии Общ<ест>ва люб<ителей> р<оссийской> с<ловесности>. Я разумею тот остракизм, которому подвергли Каткова, потребовав от него назад билет, посланный ему как редактору «Моск<овских> ведом<остей>»; тогда как послали таковой редактору «Развлечения»³³ и пр<очим>! Между тем одна из лучших статей о Пушкине принадлежит Каткову³⁴, да и статья его, появившаяся в день открытия памятника – очень хороша³⁵. Затем я сердит на Юрьева за его передовую статью в апрельской кн<иге> «Р<усской> мысли», где он призывает власть к обузданию Каткова³⁶. Что же касается до речи Каткова на обеде, то я совершенно разделяю Ваше мнение. Тема, впрочем, сама по себе уместна, если хотите, Пушкин действительно явился объединителем людей всех направлений, все почувствовали себя несравненно ближе друг к другу, и, может быть, не худо было бы воззвать к* устранению *вражды*, – но всего менее прилично было говорить это Каткову: чувствовалось *qu'il plaide sa cause*** . Возбуждалось искреннее чувство сожаления, что ему приходится ходатайствовать за себя, и великодушное желание облегчить ему его положение. Я по крайней мере поддался такому желанию... Но «Голос» совершенно лживо возводит этот *incident* в *accident****. Ничего подобного не было, и людей, окруживших Каткова, было настолько довольно, что холодность остальных была не заметна. После уже обеда сидевшие с Тургеневым рядом, против Каткова³⁷, рассказали мне, что Катков через стол сделал движение с бокалом в сторону Тургенева, но тот откинулся на спинку стула и стал смотреть в свои ногти. Но вообразите: семья Каткова (жена и дочь), бывшая за обедом – дрожала от страха с начала обеда: им кто-то сказал, что будет враждебная демонстрация против Каткова, скандал и т. п. Ничего подобного не было, разумеется, но как уж они были рады и благодарили думских распорядителей обеда (в том числе и Д<митрия> Ф<едоровича> Самарина³⁸)! Все эти угрозы шли от Ковалевского, который условленными сигналами потом, в зале Собрании, производил, посредством студентов, разные овации Тургеневу, – и был совсем убит торжеством Досто-

* Далее зачеркнуто: примирению.

** Что он защищает себя (*фр.*).

*** *Происшествие* в катастрофу (*фр.*).

евского. (Пишу я Вам с открытою дверью на балконе в Троекурове, ночью; влетела бабочка, окунулась в чернильницу, выскочила оттуда стремглав, и – на мой листок, который и выпачкала: вот кто виновник сих пятен!). – Удивительно, как поднялся вообще уровень именно народного самосознания. В конце 1 же *обеда* говорил Некрасов, доцент из П<етер>бурга³⁹, 9 или 10 тост. Никто уже почти не сидел на месте, говорил он не повелительно-громко, как следует произносить речи, – невнятно, длинно, и никто его не слышал. Кое-какие выражения, долетевшие до моего слуха, дали мне понять, что говорил он дело. Мы с ним потом и познакомились. А вчера в «Нов<ом> вр<емени>» помещена, хотя и вкратце его обеденная речь⁴⁰. Может быть, он ее совсем переделал, но тем не менее, или вернее все равно, речь превосходная и содержащая в себе почти тоже, что говорил Достоевский. Но большая разница – говорить умные вещи сжато, *отвлеченно*, – что не вдруг понятно публике и потому не увлекает, или говорить, как романист, художник, все отвлеченное переводящий в реальные образы или подкладывающий *жизненный* фон под всякую отвлеченность. Вот почему Достоевский, – который для нас с Вами мало сказал нового, чего бы не говорили Хомяков и брат мой (о всесторонности русск<ого> человека, *человека* по преимуществу, по словам К<онстантина> Серг<ееви>ча), стяжал такой успех, – которому нельзя не радоваться. Забавно, что некоторые из юношей, увлеченные Достоевским, потом спохватились, как рассказывал мне Федя Самарин⁴¹, и – стали толковать между собою: да ведь он, пожалуй, утащит нас с собою в мистицизм (т. е. религию)!⁴² –

Но довольно об этом. Вообразите, что бедная М.Ф. Соллогуб⁴³, собиравшаяся за границу 20 числа с Е.Н. Самариной⁴⁴, ускакала при своем серьезном недуге, в Рим одна, даже без девушки, получив телеграмму о том, что сын ее⁴⁵ опасно заболел тифом в Риме!

Анна Федоровна⁴⁶ – слава Богу – нынешним летом чувствует себя лучше, благодаря горному прекрасному воздуху Троекурова, в котором мы живем: это по Дорогомиловскому шоссе на 12 верст, – в сторону две версты, но тут же есть и полустанок жел<езной> дороги, так же в двух верстах от нас. Все-таки письма лучше адресовать в Москву, ко мне в Банк. – Но нравственно она очень еще удручена смертью императрицы, тем более, что узнала об этой смерти *во сне, в самый тот день и час**, – о чем *тотчас* мне заявила и чему я *полуповерил* (потому что знаю за моей женой эту жуткую способность). С нетерпением ждали мы в тот день приезда к нам на дачу Китти, но она успокоила нас, потому что сама еще ничего не знала: пока она была у нас на даче, в Москве (лишь в 5 часу) получена была телеграмма. В этом сновидении у Анны с имп<ератрицею> произошло и объяснение, и примирение и прощание! Затем Анна отправилась в Петербург, и видела еще имп<ератрицу> в гробу. В столике, стоявшем у ее кровати, найдена была записочка, выражавшая разные ее же-

* «Час» подчеркнуто дважды.

лания (между тем о том, что если она умрет при пасхальной службе, то чтоб не откладывали похорон и хоронили ее при пасхальном каноне⁴⁷; чтоб не клали ей на голову короны, – просьба о том, чтоб любившие ее, молились о ней все сорок дней сряду и вообще бы не забывали ее в молитвах. И тут же она написала, чтоб такой-то образок, постоянно ею носимый на груди, передать *Анне*. Этот образок (медальон с моск<осковскими> святителями и с вырезанным целым псалмом «Живый в помощи Вышняго»⁴⁸) оставался на Импе<ратрице> до закрытия гроба, а потом передан в<еликим> кн<язем> Сергием⁴⁹ Анне. Все это ее, разумеется, очень утешило, но и наполнило грустью. Разумеется – это я только Вам сообщаю, даже не спросясь предварительно жены⁵⁰, тем более, что она теперь спит. Вот именно, что она спит, а не страдает бессонницей – это и есть признак улучшения здоровья.

Прощайте однако, дорогая Александра Николаевна. Целую Ваши ручки и жму руку Петру Владимировичу⁵¹.

Ваш *Ив. Аксаков*.

На 21 июня <18>80 <г.>.

Еще раз простите за неряшливое письмо. – Если получите мое письмо от Китти, то нельзя ли Вам переслать его к княг<ине> Черкасской⁵², с тем, чтоб она потом отослала его обратно к Ек<атерине> Федоровне. А впрочем поступите по ее указанию. –

Начались жары. Как я люблю знойный полдень!

РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 41–44 об. Подлинник. Автограф.

№ 3

Письмо И.С. Аксакова Г.П. Галагану 12<– около 14> июля 1880 г.

12<– около 14> июля 1880 <г.>⁵³.

Спасибо Вам, дорогой друг Григорий Павлович, за Ваше прекрасное, в высшей степени интересное письмо. Еще читая его, я думал, хорошо бы его напечатать, и очень обрадовался, найдя в конце Ваше разрешение – этим письмом воспользоваться. В это время проезжала через Москву граф<иня> Блудова⁵⁴, которой по ее просьбе, я оставлял Ваше письмо на целые сутки, так как она объявила, что умеет разбирать Ваши гиероглифы. Она тоже советовала мне его напечатать. Но где? Не думая долго выкинув вступление, место о Раевском⁵⁵ и самый конец, я послал его к Каткову, предоставив, ему право сократить или сделать из письма извлечение. Отвечали из редакции, что Катков в Петербурге, но должен скоро вернуться и потому мой пакет удержали до его возвращения. Между тем во вчерашнем № «Моск<овских> ведом<остей>» помещено письмо самого Купчанка (где много говорится о Вас и очень сочувственно)⁵⁶. Ну, думал я, теперь нечего и помещать Вашего письма, и собирался взять его назад, но вчера же вечером (мне пришлось ночевать в городе) полу-

чил я от Каткова корректуру Вашего письма, с просьбою выставить Ваше имя и означить что это письмо ко мне. Я подумал, подумал и согласился. В письме Вашем нет ничего, что могло бы Вас компрометировать. А к тому же я понял, что Катков в настоящую минуту дорожит нашими именами. В последнее время отношение к нему «российской прессы» дошло до совершенного безобразия. Во главе нападающих, под знаменем «либерализма», стоит кто же? с позволения сказать Краевский!⁵⁷ Вы знаете, что «Русская беседа», «День» и «Москва»⁵⁸ часто и живо полемизировали с Катковым, но это не мешало и не мешает мне быть беспристрастным, признавать его замечательный талант публициста и положительные заслуги им оказанные. Во всяком случае петербургский либерализм с своими малоталантливыми представителями (просто жалкая посредственность) еще противнее мне катковской «государственности» по глубокой антинациональности присущей петербургским писакам, носящим мундир либерализма. На празднике Пушкинском Общество люб<ителей> р<оссийской> словесности подвергло Каткова остракизму, т.е. не Общество, а распорядительная Комиссия: разослав билеты на торжественные заседания всем редакторам, в том числе и Каткову, Комиссия потом письменно заявила Каткову, что ему послано по ошибке, ибо решено, чтоб ему, как редактору «М<осковских> вед<омостей>», не посылать. Катков возвратил билет, а письмо (подписанное Юрьевым, председателем) напечатал в «М<осковских> вед<омостях>»⁵⁹. – Я тотчас же протестовал письменно, объявляя, что как член Общества я не уполномочивал Комиссию выражать за Общество симпатию и антипатию к кому бы то ни было. Между тем Каткову принадлежит одна из лучших статей о Пушкине в русской литературе (напечатана лет 20 тому назад)! Одним словом ему делались всякие авании*. Это повальное, огульное, неосмысленное оскорбление – всегда меня возмущает, даже в отношении несочувственных мне лиц. Поэтому у меня не достало духу отказать Каткову в этой просьбе.

13** июля в «Моск<овских> вед<омостях>» появилась Ваша статья⁶⁰, которую и посылаю Вам в вырезке, точно также как и статью Купчанка, появившуюся в № 11 июля.

Но застанет ли Вас в Виши мое письмо? Вы писали, что останетесь до 18 июля или до 20. Если не застанет, то не стремглав же Вы поспешите в Россию и верно распорядитесь, куда Вам посылать письма. Нарочно не вполне офранкирую письмо, а только тремя марками, тогда оплаты ради, письмо непременно Вас отыщет.

Июнь месяц был у нас прелестный, т. е. для нас, не хозяев; но первая половина июля сопровождается холодными ночами. На юге и на востоке бедствуют от жучков, кузнецов, мух и всяких крылатых и ползущих врагов... Это le question du jour***, других и нет.

* От *avanie* – публичное унижение, оскорбление (*фр.*).

** Исправлено с «14».

*** Вопрос дня (*фр.*).

Граф Толстой⁶¹ вздумал баллотироваться в гласные Михайлов<ского> уезда Ряз<анской> губ<ернии>, и из 46 шаров получил только три избирательных! ⁶² А пока он был во власти как все ползали пред ним!...

Дай Бог, чтоб Виши оказало пользу и Вам, и Екатерине Васильевне⁶³, которой прошу передать наш душевный привет. Вас же крепко обнимаю. Жена, которой здоровье нынешним летом лучше, дружески Вам кланяется. Мой самый верный адрес летом: в Общество взаимного кредита.

Весь Ваш

Ив. Аксаков.

РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 11–12 об. Подлинник. Автограф.

№ 4

Письмо И.С. Аксакова А.И. Кошелеву <около 14 июля 1880 г.> ⁶⁴

<...> годом быстрее. – На днях выйдет «Р<усский> архив» с моею речью о Пушкине. Она не имеет теперь особенной цены после всего сказанного и напечатанного. Но что это за статьи в «Голосе» пишет Ваш приятель Градовский? Я их сам не читал, а только выписки в некоторых газетах⁶⁵.

Кстати. Статья Дост<оевского> конечно, при чтении оказывается недостаточно ясно и полно истолкованною и может, пожалуй, подать повод к недоразумениям. Но Вы едва ли не ошибаетесь, смешивая «всечеловечность» с безличностью с одной стороны и с напыщенным притязанием на первенство* – с другой. Я понимаю это в таком смысле, что для русского народа определение национальности *совпадает с христианством* (которое он понимает только под видом православия). Кровное племенное родство для него почти ничего не значит, а единоверие почти все. Будьте Вы по фамилии Клюки фон Клюгенау, чистокровный немец, – но однако же православный⁶⁶ – Вы ему не чужой, а брат, *свой*, ему равноправный. Уж на что ближе нам поляки. Но они католики и более ему чужды, чем какие бы то ни было иноплеменники-православные. – Терпимость, о которой и Вы говорите⁶⁷, объективность, т.е. признание чужой правды, в ней самой, – (объективность, составляющая отличительную черту и поэзии Пушкина) – это всё наши коренные национальные черты. У народа терпимость не только религиозная, но и политическая и гражданская. Он никогда ни у кого не менял насильственно обычая: это исторический факт. Следовательно узкости национальной в нем нет, той узкости, которую отличается и немец, и англичанин. Особенность наша национальная заключается именно в многосторонности и широте, переходящих и в недостаток. – Это не значит, чтобы он не дорожил своим обычаем и не возмущался насильственным посягательствам на свою народность, но он готов всегда признать права чужой народности. Это я говорю про народ. На ступени высшего развития это свой-

* «Притязанием на первенство» вставлено над строкой вместо зачеркнутого «самоуверением».

ство сказывается еще ярче, и не только в отступниках народного духа, людей без содержания, готовых принять содержание чужое (это статья особая, и вот на это не обратил внимания Достоевский), но и в лучших представителях народности. Конст<антин> Серг<еевич> называл русского человека человеком по преимуществу, т. е. самую широкою из всех национальных индивидуальностей⁶⁸. Это не хвастовство. Это налагает обязанности и мешает в жизни. Несравненно более успеваешь в мире всякая уверенная в себе, в своем праве, односторонность. «Британские интересы» высшая истина для британца. Vale<a>t Britan<n>ia, et pereat mundus*. Ни у кого из нас не повернется язык сказать это, не только вслух, но и про себя. От этого мы и проигрываем, а немец или англичанин выигрывает, ибо ему совесть не зазрит. Но опять повторяю, тут нет гордости, как нет ее и в стихах Хомякова, обращенных к России:

О, недостойная призванья,
Ты призвана...⁶⁹

Призвание все же есть. Поэтому нечего его отрицать из фальшивой скромности.

Не знаю, с чего вздумалось Градовскому ослаблять благотворное действие речи Достоевского, на руку «Отеч<ественным> запискам», «Вестнику Европы»⁷⁰ и т. п.

Не знаю почему Юрьев не поместил своей речи в «Р<усской> мысли». Вероятно, он ее переделывает или сам сознает, что она слишком обща, отвлеченна и несолидна⁷¹. – Я не поместил своей речи у Юрьева, во 1-х потому, что не придаю особенной цены ей, – ей скорее место в числе исторических документов; во 2-х потому, что недоволен Юрьевым за его письмо к Каткову, подписанное им в качестве председателя Общества словесности. Я как член Общества не уполномочивал Председателя приглашать Краевского и редактора «Развлечений» и подвергать остракизму литератора, вроде Каткова, с замечательным талантом напечатавшего лет 20 назад прекрасную статью о Пушкине, поглубже статей Белинского, – не уполномочивал одним словом выражать от имени Общества ни симпатий, ни антипатий. Я это ему прямо высказал, обещая, впрочем, по прошествии некоторого времени, что-нибудь напечатать в его журнале. Чтò для меня ненавистнее всего – это *captatio benevolentiae* **, – и еще повальное, огульное, баранье – поклонение или ненавидение. –

А каково Ваше Михайл<овское> земство⁷²! Из 46 шаров только три белых Толстому! Это было бы хорошо, если б для того, чтоб бить лежачего, требовалась какая-либо особенная храбрость. А если б он вздумал баллотироваться в прошлом году?

* «Да здравствует Британия, и да погибнет мир» (*лат.*) – аллюзия крылатого выражения «Да свершится правосудие и да погибнет мир» («*Fiat justitia, et pereat mundus*»).

** Снискание расположения (*лат.*).

Анна Мих<аиловна> Евреинова⁷³ живет в Ярославле и там занимается в лицейской библиотеке, говорят превосходной. Я впрочем не ожидаю большого толку от ее работы над выборным началом. Это вопрос не отвлеченной теории, а жизненной практики. Чтоб понять его, нужно сколько-нибудь знать нравы и жизнь народа. А она и в глаза не видала русского мужика и русской деревни!

Прощайте. Видите, как я расписался. Ну теперь на некоторое время заговеюсь.

Ваш *Ив. Аксаков*

А если хотите еще прислать денег, поступите прекрасно.

РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 120–121 об. Подлинник. Автограф.

Комментарии

¹ О.Ф. Кошелева (урожд. Петрово-Солово, 1816–1893) – жена А.И. Кошелева.

² С 1877 г. Аксаков являлся председателем правления Московского купеческого общества взаимного кредита. 10 июня 1880 г. Кошелев писал ему: «...в запечатанном пакете жена моя передаст вам *десять* тысяч рублей, которые прошу вас поместить на *условный* мой текущий счет в Вашем банке; а квитанцию оставьте у себя, до моего возвращения в Москву» (Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову (1881–1883 гг.) // О минувшем: Исторический сб. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1909. С. 407 [31]).

³ 10 июня Кошелев, высказав предположение о хлопотах и волнениях, испытанных организаторами Пушкинских торжеств, спрашивал Аксакова: «Остался ли жив Юрьев?» (см. о нем примеч. 22) – и добавлял: «Малейшая вещь его тревожит; а тут было над чем хлопотать. Читал газеты и приходил в нервное положение; и там – на месте – при всех глупостях, к которым мы способны – можно было с ума сойти. Радуюсь, что на мою долю из этих хлопот вытекло только то, что должен был в газетах читать бездну статей и известий об этом торжестве. Пожалуйста, напишите ко мне письмецо и скажите, как на вас подействовало это событие. Очень меня этим обяжете» (см.: Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову (1881–1883 гг.). С. 407).

⁴ Имеется в виду комиссия по организации Пушкинских торжеств Общества любителей российской словесности. См. об этом: Клейменова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М.: Academia, 2002. С. 272–275 и др. [32]; Шмидт С.О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // С.О. Шмидт. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. С. 258–260.

⁵ Мысль эту Аксаков высказывал неоднократно. 14 июня он писал свояченице Тютчевой: «Это у нас новое зрелище: явление силы нравственной, смилившей грубую силу внешней государственной власти. <...> Это ведь впервые у нас победа духа над плотью, это признание со стороны государства, впервые прав ума и таланта на Руси!» (см.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 92). Спустя месяц, 14 июля, Аксаков писал О.Ф. Миллеру: «...это победа духа над плотью, силы ума и таланта над внешнею, грубою силою, общественного мнения над правительственною оценкою, до сих пор удававшаяся только высшие заслуги своею признательностью» (см.: Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / ст., публ. и коммент. Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86. С. 511. Исправлено по подлиннику: ОР РГБ. Ф. 93 II. Карт. 1. Ед. хр. 23. Л. 7 об.)

⁶ Пушкинские торжества открылись 5 июня приемом 106 делегаций от учреждений и обществ, которые собрались для участия в празднике. Прием проходил в зале Московской городской думы.

⁷ Принц П.Г. Ольденбургский, председатель Комитета по сооружению памятника Пушкину.

⁸ Помимо принца П.Г. Ольденбургского представителями власти на торжествах являлись: управляющий Министерством народного просвещения, статс-секретарь А.А. Сабуров, государственный контролер, статс-секретарь Д.М. Сольский, генерал-губернатор Москвы кн. В.А. Долгорукий. К ним можно было бы отнести и статс-секретаря, члена Государственного совета Ф.П. Корнилова, который, однако, являлся управляющим делами Комитета по сооружению памятника и в этом качестве выступил на его открытии.

⁹ Тургенев в своей речи назвал В.Г. Белинского «самым главным, первоначальным истолкователем» Пушкина. Н.А. Некрасова же (имени которого Тургенев не произносил, назвав его поэтом «мести и печали») он отметил как предшественника «нарастающих поколений», чьи иные «начала» он назвал «столь же необходимыми в общественном устройении» (см.: Тургенев И.С. <Речь по поводу открытия памятника А.С. Пушкина в Москве> // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Т. 15: Корреспонденции; Речи; Предисловия; Открытые письма; Автобиографическое и прочее. 1848–1883 / подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. М.; Л.: Наука, 1968. С. 73–74 [33]). Помимо Тургенева к примеру Белинского в своих речах обращались П.В. Анненков и Н.С. Тихонравов.

¹⁰ В представлении Тургенева народность искусства ассоциировалась с простонародностью и понятие «народный поэт» рассматривалось лишь как этап на пути формирования «национального поэта». Исходя из этого, Тургенев в своей речи признал открытым вопрос о том, может ли Пушкин «называться поэтом национальным в смысле Шекспира, Гёте и др.» (см.: Тургенев И.С. <Речь по поводу открытия памятника А.С. Пушкина в Москве>. С. 69, 68, 71). См. об этом также: Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л.: Наука, 1987. С. 168–170 [34]. Именно это положение Тургенева подразумевал Аксаков, когда сразу после речи Достоевского в импровизированном выступлении заявил: «...еще вчера стоял вопрос о народности Пушкина, еще вчера можно было спорить, сомневаться и нужно было доказывать, но теперь, слава Богу, благодаря Достоевскому этот вопрос упразднен и толковать о нем больше нечего» (см.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках... С. 98. Ср. изложение этих же слов: Ф.Б. <Булгаков Ф.И.> Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880. С. 62 [35]). Скрытый спор с Тургеневым Аксаков продолжил и в своей речи. В ней он в частности отметил: «Многие “народность” поэзии Пушкина усматривают именно в русских сказках и других его произведениях в так называемом “простонародном” роде», – а далее сказал о Пушкине: «Это был первый, истинный, великий поэт на Руси, и первый истинно-русский поэт, а потому самому и народный, в высшем значении этого слова» (см.: Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... / сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. С. 277, 284).

¹¹ В своей речи Достоевский оспорил оценку Татьяны Лариной, которую Белинский назвал «нравственным эмбрионом» (см.: Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. Май 1843 – сентябрь 1846 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии: 1843; Статьи о Пушкине: 1843–1846 / текст подгот. и коммент. сост. В.С. Спиридонов; ред. Д.Д. Благой. М.: Изд. АН СССР, 1955. С. 499 [36]). В первую очередь Белинского имел в виду и Аксаков, когда отметил в своей речи, что «трагическая нравственная развязка романа навлекла и на Пушкина, и даже на бедную Татьяну упреки некоторых русских критиков» (см.: Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... / сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. С. 280).

¹² Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) – социолог, правовед, в 1877–1887 гг. профессор Московского университета, в 1880 г. член комиссии по организации Пушкинских торжеств Общества любителей российской словесности, позднее один из основателей Конституционно-демократической партии, депутат I Государственной Думы, член Академии наук.

¹³ Во время пребывания Тургенева в России в феврале–марте 1879 г. либеральная интеллигенция и поддерживавшие ее социалисты многократно устраивали писателю восторженные приемы, которым старательно придавался политический характер (см.: Лавров П.Л. И.С. Тургенев и развитие русского общества. С. 48–49).

¹⁴ Речь Аксакова, произнесенная на думском обеде 6 июня 1880 г., опубликована в: Ф.Б. <Булгаков Ф.И.> Венок на памятник Пушкину. Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении Пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве: Новые данные о Пушкине: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. С. 211–212.

¹⁵ Речь Каткова опубликована в: Там же. С. 212–214.

¹⁶ Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) – поэт, служил старшим цензором Комитета цензуры иностранной в Санкт-Петербурге.

¹⁷ «Голос» – крупнейшая петербургская либеральная газета, выходившая под редакцией А.А. Краевского. В 1870-е гг. Кошелев являлся ее внимательным читателем и публицистом.

¹⁸ В корреспонденции «Голоса» (автором которой, вероятно, был В.А. Бильбасов), по поводу думского обеда, в частности, говорилось: «...прочтя подлинные речи, вы, конечно, согласитесь со мною, что речь Аксакова, полная внешних ораторских эффектов, страдала отсутствием серьезного содержания и состояла из общих, избитых мест; зато несколько слов, сказанных министром Сабуровым, перед провозглашением тоста за Государя Императора, отличались такою искренностью, что произвели глубокое впечатление». Скандальная история возникла из-за финальной части корреспонденции, где рассказывалось: «Г. Катков, которому распорядители обеда, зная отношение издателя “Московских ведомостей” к представителям литературы и к печати, назначили место вдали от центра, сел против Тургенева». Далее говорилось о застольной речи Каткова и в заключение было сказано: «В публике, в ответ на эту речь, послышались кое-где “браво”, но ни одна рука не протянулась к “поднятому бокалу” и г. Катков, сконфуженный, чокнулся с своей соседкой – сотрудницей “Русского вестника” – и сел. Спустя некоторое время, после теплой речи профессора Ковалевского, поднявшего бокал за русскую литературу, г. Катков опять решился сделать попытку “забвения прошлого”, протянув свой бокал, но ему не отвечали тем же... <...> Тяжелое впечатление производит человек, переживающий свою казнь и думающий затрапезно речью искупить предательства двадцати лет!» (см.: Телеграммы (От специальных корреспондентов «Голоса») // Голос. 1880. 7 июня. № 157. С. 4 [37]).

¹⁹ См. об этом выше (во вступительной части статьи).

²⁰ Ф.Д. Самарин (см. о нем и его отце примеч. 41 и 38) объяснил это так: «После Достоевского наступил перерыв в заседании; члены общества удалились: очередь была за Аксаковым, но он отказался, говоря, что его речь *ненужна* (подчеркнуто в автографе. – Б.Т.) после речи Достоевского. Однако, ввиду неудовольствия, которое возбуждал этот отказ, папа уговорил И.С. взойти на кафедру и сказать сначала не несколько слов, которые им были приготовлены, чтобы мотивировать свой отказ, говоря, что сама публика потребует, чтобы он читал» («А впечатление было поистине необычайное...» (см.: письмо Д.Ф. Самарина о Пушкинской речи Достоевского) / публ. и коммент. Б.Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура: Альманах. М.: Классика плюс, 1997. № 9. С. 252 [38]).

²¹ «Русский архив» – историко-литературный журнал, издававшийся П.И. Бартеневым. Речь Аксакова была опубликована в его кн. II за 1880 г. (см.: А.С. Пушкин (По поводу открытия его памятника в Москве). Речи в заседании Общества любителей российской словесности 7-го июня 1880 года. I. Речь И.С. Аксакова // Русский архив. 1880. Кн. II. С. 467–484 [39]).

²² Сергей Андреевич Юрьев (1821–1888) – театральный критик, переводчик, публицист, в 1871–1872 гг. издатель-редактор финансируемого Кошелевым журнала «Беседа», в 1878–1884 гг. председатель Общества любителей российской словесности, в 1880 г. стал членом созданной по его инициативе комиссии по организации Пушкинских торжеств, в 1880–1885 гг. редактор журнала «Русская мысль».

²³ Лев Иванович Поливанов (1838–1899) – педагог, литературовед, основатель и директор частной, так называемой Поливановской, гимназии, в 1880 г. председатель комиссии по организации Пушкинских торжеств Общества любителей российской словесности.

²⁴ «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы)» были закончены незадолго до смерти автора в 1883 г. и в следующем году изданы в Берлине его вдовой.

²⁵ Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825–1888) – граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, с февраля 1880 г. главный начальник Верховной распорядительной комиссии и член Государственного совета. 10 июня Кошелев писал Аксакову: «Газеты и журналы как будто к чему-то нас возбуждают, а на деле нет ничего. Даже мои надежды на Лорис-Меликова мало по малу уничтожаются» (см.: Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову (1881–1883 гг.) // О минувшем. Исторический сб. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1909. С. 407). Подобное настроение характерно для середины 1880 г., когда ожидания перемен, возникшие в обществе с укреплением у власти Лорис-Меликова, несколько месяцев оставались безответны. Позднее (после упразднения III отделения и Верховной распорядительной комиссии) 18 сентября Кошелев написал Аксакову о Лорис-Меликове: «Человек он славный и на него нельзя не надеяться. Он действительно благонамерен и либерален» (Там же. С. 408).

²⁶ Весною 1880 г. были учреждены общероссийский и окружные сельскохозяйственные съезды, организацией которых занималось Министерство государственных имуществ во главе с св. князем А.А. Ливеным. Упоминание этих съездов в данном контексте, очевидно, имеет иронический характер. Причем и сам Аксаков к этому времени испытал заметное разочарование. Сразу после того как было объявлено об учреждении Верховной распорядительной комиссии под руководством Лорис-Меликова, он отправился в столицу, чтобы прозондировать возможность издания собственной газеты, которой был лишен в течение 12 лет. Однако, убедившись в невозможности этого, Аксаков рассказывал в письме сестре М.С. Томашевской и ее мужу: «В Петербурге ничему не научились! М<инистр>р вн<утренних> дел, чтобы заявить свою самостоятельность, независимость от Лорис-Меликова (этим только и занят министр), то и дело сыплет предостережения и разные кары газетам» (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 16 об.).

²⁷ Китти – домашнее прозвище свояченицы Аксакова Екатерины Федоровны Тютчевой (1835–1882), дочери Ф.И. Тютчева, фрейлины императрицы Марии Александровны. Речь идет о «Письме И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину» (Русский архив. 1891. № 5. С. 90–99).

²⁸ Аксаков писал Е.Ф. Тютчевой: «Из моих знакомых дам и приятельниц не было никого, если не считать О.А. Новиковой. Не могу понять, отчего не было А.Н. Бахметевой. Мне ее очень не доставало: то-то был бы для нее праздник!» (Там же. С. 91–92).

²⁹ А.О. Смирнова-Россет (1809–1882) – фрейлина императрицы Марии Федоровны, с 1832 г. замужем за Н.М. Смирновым, который в 1845–1851 гг. служил калужским губернатором. Аксаков близко познакомился с ней в Калуге во время службы в 1845–1847 гг. товарищем председателя местной Палаты уголовного суда.

³⁰ В своей застольной речи на думском обеде 6 июня Аксаков привел последние строки «Стихов на объявление памятника историографу Н.М. Карамзину» Н.М. Языкова (1845 г.). Он заявил: «Немало памятников красуется у нас в России прославленным героям государственного и военного поприща прошлого и нынешнего веков, но, повторяю я вместе с поэтом Языковым:

Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда
Венчанный славою, и гордый воевода:
Герой счастливый на войне
Стоят торжественно, перед лицом народа,
Уже на равной вышине! [35, с. 212].

³¹ В 1880–1884 гг. «Русский архив» издавался шестью выпусками в год. Два выпуска составляли отдельную книгу. Вероятно, первоначально Баргенов планировал выпустить особый Пушкинский сборник (в составе ли журнала или отдельно – не ясно). На это Аксаков указал в письме Е.Ф. Тютчевой от 14 июня, добавив, что его первая часть, включающая аксаковскую речь, вскоре должна выйти (см.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках... С. 98). В данном письме речь идет лишь об отдельном издании в рамках журнала. В итоге связанные с Пушкиным публикации оказались в трех разных выпусках: 4-м (кн. II), 5-м и 6-м (кн. III). В кн. II, предваряя пуб-

ликацию отрывков из записок Пушкина и адресованных ему писем, были помещены речи, произнесенные на торжествах Аксаковым и Бартеневым.

³² Судя по словам Достоевского «Юрьев имел уже статью Ив<ана> Аксакова о Пушкине», оброненным в письме к жене 25/26 мая (см.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. С. 164), поначалу Аксаков обнадежил редактора «Русской мысли», что передаст свою речь для публикации в его журнале.

³³ «Развлечение» – еженедельный литературно-юмористический журнал с карикатурами, Его редактор-издатель – Ф.Б. Миллер, переводчик и поэт, казначей Общества любителей российской словесности – являлся членом комиссии этого Общества по организации Пушкинских торжеств.

³⁴ Катков М.Н. Пушкин // Русский вестник. 1856. Т. 1, Кн. 1. С. 155–172; Кн. 2. С. 306–324; Т. 2, Кн. 2. С. 281–310 [40].

³⁵ <Катков М.Н.> Москва, 5 июня // Московские ведомости. 1880; 6 июня. № 155. Особое приращение. С. 2 [41].

³⁶ Уже после окончания печати мартовской книги журнала «Русская мысль» в ее начало было помещен нумерованный лист с незаглавленным и неподписанным текстом, который представлял собой ответ на передовые статьи 79-го и 80-го номеров газеты «Московские ведомости» с упреками интеллигенции в пособничестве революционным силам. На такие обвинения «Русская мысль» восклицала: «Неужели все это пройдет даром и не будет обуздан этот оскорбительный для всего русского общества, наглый сумасшедший крик распаленной инквизиционным жаром фантазии?» [42].

³⁷ Вероятно, речь о О.А. Новиковой (урожд. Киреевой, 1840–1925), сидевшей на обеде рядом с Тургеневым, за ней сидели Краевский и М.М. Стасюлевич (см.: Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876–1883) / автор-сост. Н.Н. Мостовская. СПб.: Наука, 2003. С. 341 [43]).

³⁸ Д.Ф. Самарин (1831–1901) – общественный деятель и публицист, младший брат славянофила Ю.Ф. Самарина, гласный Московской городской думы, сотрудник ряда аксаковских газет.

³⁹ Вероятно, Николай Петрович Некрасов (1853–1814) – филолог, профессор русской словесности Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института и Римско-католической духовной академии, с 1890 г. член-корреспондент Академии наук, среди работ которого «К вопросу о значении А.С. Пушкина в истории русского литературного языка». Однако в публикации «Нового времени», где Некрасов назван представителем императорского историко-филологического института (1880. 19 июня. № 1546. С. 3 [44]), и в заглавии перепечатки его речи в «Венке на памятник Пушкину» (С. 214) фамилия автора указана с инициалами «Н.А.». В своей речи Некрасов утверждал, что «Пушкин никогда не становился на трясину космополитизма, а всегда стоял на твердой почве русской народности и был благороднейшим выразителем ее в искусстве». Также Некрасов заявил: «Наш великий поэт представляет собой лучшее доказательство того, что русская национальность не может отличаться исключительностью или нетерпимостью к другим народам» и предложил тост «за развитие национального направления нашей школы» (см.: Ф.Б. Венок на памятник Пушкину. С. 214–215).

⁴⁰ Хроника // Новое время. 1880, 19 июня. № 1546. С. 3.

⁴¹ Федор Дмитриевич Самарин (1858–1903) – сын Д.Ф. Самарина, в 1880 г. выпускник Московского университета, позднее общественный и религиозный деятель.

⁴² Ср. рассказ о том же в письмах Аксакова О.Ф. Миллеру от 14 июля (см.: Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / ст., публ. и коммент. Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86. С. 512) и от 20 августа Достоевскому (см.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому / публ., вступ. ст. и коммент. И.Л. Волгина. С. 353).

⁴³ Мария Федоровна Соллогуб (урожд. Самарина, 1821–1888) – графиня, сестра Ю.Ф. и Д.Ф. Самариных.

⁴⁴ Возможно, племянница М.Ф. Соллогуб, дочь ее брата Н.Ф. Самарина.

⁴⁵ Федор Львович Соллогуб (1848–1890) – граф, театральный художник и график.

⁴⁶ А.Ф. Аксакова (1829–1889) – старшая дочь Ф.И. Тютчева, с 1853 г. фрейлина великой княгини, а с 1855 г. императрицы Марии Александровны, с 1866 г. жена И.С. Аксакова.

⁴⁷ В православном богослужении в случае похорон в праздник Пасхи (или в дни Светлой седмицы) обычное при отпевании усопших пение сильно сокращается, чтобы не нарушить величия радостного праздника. Императрица Мария Александровна, вероятно, полагала, что, если она скончается в пасхальные дни, ее похороны отложат для сохранения торжества обрядов. Однако императрица пережила Православную Пасху (которая в 1880 г. праздновалась 20 апреля) и умерла в ночь на 22 мая.

⁴⁸ Пс. 90 – традиционная охранительная молитва.

⁴⁹ Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь, в то время полковник лейб-гвардии Преображенского полка, питомец А.Ф. Аксаковой, которая в 1858–1865 гг. служила воспитательницей младших детей императорской четы.

⁵⁰ Рассказ о тех же событиях содержится в письме Аксакова к сестре М.С. и ее мужу Е.А. Томашевским от 24 мая (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 18–18 об.).

⁵¹ П.В. Бахметев (1818–1896) – муж А.Н. Бахметевой, действительный статский советник, шталмейстер, предводитель дворянства Дмитровского уезда Московской губернии.

⁵² Екатерина Алексеевна Черкасская (урожд. Васильчикова, 1825–1888) – княгиня, вдова близкого к славянофилам кн. В.А. Черкасского, приятельница Аксакова, во время Пушкинских торжеств находилась за границей.

⁵³ Письмо датировано автором 12 июля 1880 г. Однако из его содержания видно, что оно было написано после выхода газеты «Московские ведомости» от 13 июля. При этом Аксаков первоначально, по ошибке, указал в письме дату выхода газеты «14 июля».

⁵⁴ Антонина Дмитриевна Блудова (1813–1891) – графиня, камер-фрейлина, дочь государственного деятеля графа Д.Н. Блудова, оказывавшая поддержку Аксакову во многих его делах.

⁵⁵ Михаил Федорович Раевский (1811–1884) – протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Вене.

⁵⁶ Григорий Иванович Купчанко (1849–1902) – буковинский общественный деятель, журналист и этнограф, познакомился с Галаганом в Вене 15 (27) июня 1880 г. на праздновании 1000-летия славянского богослужения, в котором последний принимал участие как представитель Киевского Славянского благотворительного общества. Купчанко рассказал о праздновании в корреспонденции «Из Вены» (Московские ведомости. 1880. 11 июля. № 190. С. 2 [45]).

⁵⁷ Андрей Александрович Краевский (1810–1889) – редактор-издатель либеральной газеты «Голос» и владелец социалистического журнала «Отечественные записки», с 1837 г. в течение почти 20 лет являлся редактором нескольких изданий, служивших официозами III отделения.

⁵⁸ Издания, которыми Аксаков руководил как редактор (а газетой «День» и как владелец) соответственно в 1858–1859, 1861–1865 и 1867–1868 гг.

⁵⁹ <Объявление от редакции> // Московские ведомости. 1880, 3 июня. № 152. С. 2 [46]. Об интригах, которые устраивались вокруг Каткова до начала Пушкинских торжеств, см.: Левитт М.С. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. С. 81–91.

⁶⁰ Галаган Г. Праздник свв. Кирилла и Мефодия в Вене (Письмо к И.С. Аксакову) // Московские ведомости. 1880, 13 июля. №. 192. С. 2–3 [47].

⁶¹ Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) – граф, в 1865–1880 гг. министр народного просвещения, а в 1866–1880 гг. и обер-прокурор Святейшего Синода. 23 апреля отправлен в отставку с обоих постов, что было с радостью воспринято русской общественностью. Однако в 1882 г. еще более упрочил свое положение, став министром внутренних дел.

⁶² По позднейшим воспоминаниям Ф.И. Родичева (в которых он, вероятно, по ошибке говорит о съезде землевладельцев не Михайловского, а Зарайского уезда Рязанской губернии), Толстого забаллотировали на выборах земских гласных, припомнив ему авторство записки, поданной в 1860 г. Александру II «в защиту крепостного права» (см.: Родичев Ф.И. Из воспоминаний // Современные записки. Париж, 1933. Т. 53. С. 286 [48]).

⁶³ Е.В. Галаган (урожд. Кочубей, 1826–1896) – жена Г.П. Галагана.

⁶⁴ Письмо сохранилось без начала. Датировано на основании содержания. Автор сообщает «На днях выйдет “Р<усский> архив” с моею речью о Пушкине». В схожих выражениях он говорил о

том же 14 июля в письме О.Ф. Миллеру: «На днях выйдет “Р<усский> архив”, и в нем моя речь о Пушкине» (ОР РГБ. Ф. 93 П. Карт. 1. Ед. хр. 23. Л. 10). На близость этих писем по времени создания указывает и общее для них сообщение о занятиях А.М. Евреиновой в библиотеке Демидовского юридического лицея в Ярославле (Там же. Л. 10 об.). С опубликованным выше посланием Галагану от 12<– около 14> июля это письмо объединяет рассказ о неудаче на земских выборах Д.А. Толстого.

⁶⁵ Александр Дмитриевич Градовский (1841–1889) – профессор Санкт-Петербургского университета, историк государственного права, либеральный публицист. Речь идет об одной его статье «Мечты и действительность (по поводу речи Ф.М. Достоевского)» (Голос. 1880, 25 июня. № 174. С. 1–2 [49]).

⁶⁶ Имеется в виду реальное лицо: Франц Карлович Клюки-фон-Клугенау (Franz Klüge von Klügenau, 1791–1851) – генерал-лейтенант, уроженец Богемии, начавший военную службу в австрийских войсках, в 1818 г. поступивший в русскую армию, в составе которой участвовал в Русско-персидской, Русско-турецкой и Кавказской войнах. Ср. аналогичный пассаж с упоминанием Клюки фон К्लугенау в письме Аксакова Достоевскому 20 августа 1880 г. (См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому. С. 354).

⁶⁷ Эти строки, как и весь абзац, вероятно, служат ответом на недошедшее до нас письмо Кошелева, в котором он делился мыслями, высказанными в написанном им, но еще не опубликованном «Отзыве по поводу слова, сказанного Ф.М. Достоевским на Пушкинском торжестве». В этой статье, споря с Достоевским, Кошелев заявил, что отзывчивость и стремление ко всемирности и ко всечеловечности не являются особенностью русского народа (Русская мысль. 1880, Октябрь. С. 3). Спор о Пушкинской речи Достоевского Аксаков и Кошелев продолжили, когда последний на один день приехал в Москву (см. об этом: Письмо Аксакова Достоевскому 20 августа 1880 г. // Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому. С. 354).

⁶⁸ Очевидно, это пересказ сентенции К.С. Аксакова, опубликованной И.С. Аксаковым в составе его «Разных отдельных заметок»: «Русский народ не есть народ; это человечество; народом является он от того, что обставлен народами с исключительно народным смыслом, и человечество является в нем потому народностью» (Аксаков К.С. Полн. собр. соч.: в 3 т. М., 1861. Т. 1. С. 630 [50]). Ср. аналогичный пассаж в письме Аксакова Достоевскому от 20 августа 1880 г. (Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому. С. 355).

⁶⁹ Неточная цитата из стихотворения А. С. Хомякова «России» (1854 г.). У Хомякова:

О, недостойная избранья,

Ты избрана! <...>. (см.: Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы поэзии. Ермак: трагедия в стихах / подгот. А.П. Дмитриев, Б.Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2021. С. 238 [51]).

⁷⁰ «Отечественные записки» – социалистический журнал, выходил под редакцией М.Е. Салтыкова-Щедрина, при соредакторстве Н.К. Михайловского и Г.З. Елисеева. «Вестник Европы» – ведущий либеральный журнал, опубликовал речь Тургенева на Пушкинских торжествах (1880. № 7. С. IV–XIII [52]), выходил под редакцией М.М. Стасюлевича. Первая реакция этих изданий на прошедшие торжества и выступление Достоевского выразилась в публикациях: Г.У. <Успенский Г.И.> Пушкинский праздник. (Письмо из Москвы) // Отечественные записки. 1880. № 6. С. 173–196 [53]; Г.У. <Успенский Г.И.> На родной ниве. (Очерки, заметки, наблюдения) // Там же. № 7. С. 109–121 [54]; Н.М. <Михайловский Н.К.> Литературные заметки // Там же. С. 122–134 [55]; <Пыпин А.Н.> С Пушкинского праздника, 5–8 июля // Вестник Европы. 1880. № 7. С. XXI–XXXV [56].

⁷¹ «Речь, произнесенная С.А. Юрьевым, при открытии им публичного заседания Общества любителей российской словесности, 7-го июня 1880 года. (По поводу открытия памятника Пушкину)» была опубликована в июльской книге «Русской мысли» (см.: Речь, произнесенная С.А. Юрьевым, при открытии им публичного заседания Общества любителей российской словесности, 7-го июня 1880 год. (По поводу открытия памятника Пушкину) // Русская мысль. 1880. Июль. С. 1–12 [57]).

⁷² Кошелев являлся гласным Рязанского губернского и Сапожковского уездного земских собраний.

⁷³ Анна Михайловна Евреинова (1844–1919) – правовед, первая в России женщина доктор права, участвовала в Пушкинских торжествах как представитель Московского юридического общества, была в дружеских отношениях с А.Ф. и И.С. Аксаковыми.

Список литературы

1. Волгин И.Л. Последний год Достоевского. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. 789 с.
2. Левитт М.Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. 262 с.
3. Шмидт С.О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // Шмидт С.О. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. С. 254–300.
4. Кунильский Д.А. Возвращение к Пушкину. Пушкинская речь И.С. Аксакова как результат эволюции славянофильства // Христианство и русская литература. Сб. 8. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. С. 487–500.
5. Фокин П.Е., Петрова А.В. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 162–195.
6. Викторovich В.А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 48–69.
7. Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому / публ., вступ. ст. и коммент. И.Л. Волгина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Вып. 4, Т. XXXI. С. 349–362.
8. Ланский Л.Р. Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Литературное наследство. Т. 86: Ф.М. Достоевский: новые материалы и исследования / под ред. И.С. Зильберштейна и Л.М. Розенблюм. М.: Наука, 1973. С. 349–564.
9. Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 90–99.
10. Писарев Д.И. Пушкин и Белинский // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 7: Статьи 1865 (январь–август) / отв. ред. А.С. Курилов. М.: Наука, 2003. С. 206–316.
11. <Страхов Н.Н.> А.С. Пушкин. – Материалы для его биографии и оценки произведений – П.В. Анненкова // Гражданин. 1873, 23 апреля. № 17. С. 523–524.
12. Аксаков И.С. Письма к Томашевским Е.А. и М.С. (рожд. Аксаковой). 1878–1885 // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 56. 63 л.
13. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1: Письма, 1878–1881 / подгот. и примеч. А.В. Архипова и др.; ред. Н.Ф. Буданова и др. Л.: Наука, 1988. 455 с.
14. Лавров П.Л. И.С. Тургенев и развитие русского общества // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / собр. и коммент. М.К. Клеман; ред. и введ. Н.К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1930. С. 15–88.
15. Генералова Н.П. Невероятное путешествие Тургенева в Петербург и Москву (февраль–март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3. С. 76–96.
16. Коломенский Кандид <Михневич В.О.> Вчера и сегодня // Новости. 1879, 18 марта. № 70. С. 1–4.
17. Тургенев в материалах перлюстрации III отделения и департамента полиции. I. Письма к Тургеневу и отзывы о нем (1861–1879) / публ. К.Г. Ляшенко и А.Л. Смоляк // Литературное наследство. Т. 76: И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования / ред. А.Н. Дубовиков и И.С. Зильберштейн при участии К.П. Богаевской. М.: Наука, 1967. С. 321–327.
18. Аксаков И.С. Письма Аксаковой А.Ф. 1866–1885 // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. 171 л.

19. Вихрова Н.Н. Иван Сергеевич Аксаков и «пушкинский вопрос» в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 1999. 232 с.
20. Аксаков И.С. Письма к Миллеру О.Ф. 1870–1883 и б. д. // ОР РГБ. Ф. 93 II. Карт. 1. Ед. хр. 23. 32 л.
21. Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Дневник писателя 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август. Л.: Наука, 1984. С. 136–149.
22. Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... / сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. 512 с.
23. Бадалян Д.А. «Прототипы» идей Пушкинской речи Ф.М. Достоевского в произведениях А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и И.С. Аксакова // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Научные труды МГИ им. Е.Р. Дашковой. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2003. С. 363–371.
24. Викторovich В.А. Четыре вопроса к Пушкинской речи // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 275–301.
25. Бадалян Д.А. Публицистика славянофилов о Петре I и его реформах // «Он весь как Божия гроза»: Образ Петра I в русской дореволюционной журналистике / под ред. О.С. Кругликовой. СПб.: Алетейя, 2022. С. 113–144.
26. Опочинин Е.Н. Беседы с Достоевским (Записи и припоминания) / предисл. и примеч. Ю. Верховского // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 6. С. 454–494.
27. Пирожкова Т.Ф. «Живая связь любви» (О речи И.С. Аксакова на Пушкинских торжествах 1880 г.) // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России / отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2000. С. 130–141.
28. Ковалевский М.М. Воспоминания об И.С. Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников / сост. и подгот. текста. С.М. Петрова и В.Г. Фридлянд. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. С. 134–148.
29. Бадалян Д.А., Котов А.Э. «...Бессмыслица конституционных учреждений, перенесенных на славянскую почву»: Переписка П.А. Кулаковского и И.С. Аксакова 1880–1886 гг. // Славистика. Кн. XVIII. Белград (Сербия), 2014. С. 557–624.
30. Кошелев А.И. Отзыв по поводу слова, сказанного Ф.М. Достоевским на Пушкинском торжестве // Русская мысль. 1880, Октябрь. С. 1–6 (6-й паг).
31. Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову (1881–1883 гг.) // О минувшем. Исторический сб. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1909. С. 406–416.
32. Клейменова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М.: Academia, 2002. 624 с.
33. Тургенев И.С. <Речь по поводу открытия памятника А.С. Пушкина в Москве> // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Т. 15: Корреспонденции; Речи; Предисловия; Открытые письма; Автобиографическое и прочее. 1848–1883 / подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. М.; Л.: Наука, 1968. С. 66–76.
34. Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л.: Наука, 1987. 196 с.
35. Ф.Б. <Булгаков Ф.И.> Венок на памятник Пушкину. Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении Пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве: Новые данные о Пушкине: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. 354 с.
36. Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. Май 1846 – сентябрь 1846 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии: 1843; Статьи о Пушкине: 1843–1846 / текст подгот. и коммент. сост. В.С. Спиридонов; ред. Д.Д. Благой. М.: Изд. АН СССР, 1955. С. 97–579.
37. Телеграммы (От специальных корреспондентов «Голоса») // Голос. 1880, 7 июня. № 157. С. 4.
38. «А впечатление было поистине необычайное...» (письмо Д.Ф. Самарина о Пушкинской речи Достоевского) / публ. и коммент. Б.Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура: Альманах. М.: Классика плюс, 1997. № 9. С. 251–255.

39. А.С. Пушкин (По поводу открытия его памятника в Москве). Речь в заседании Общества любителей российской словесности 7-го июня 1880 года. I. Речь И.С. Аксакова // Русский архив. 1880. Кн. II. С. 467–484.
40. Катков М.Н. Пушкин // Русский вестник. 1856. Т. 1, Кн. 1. С. 155–172; Кн. 2. С. 306–324; Т. 2, Кн. 2. С. 281–310.
41. <Катков М.Н.> Москва, 5 июня // Московские ведомости. 1880. 6 июня. № 155. Особое прибавление. С. 2.
42. Русская мысль: Журнал научный, литературный и политический. 1880. Март.
43. Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876–1883) / автор-сост. Н.Н. Мостовская. СПб.: Наука, 2003. 622 с.
44. Хроника // Новое время. 1880, 19 июня. № 1546. С. 3–4.
45. Купчанко Г. Из Вены // Московские ведомости. 1880, 11 июля. № 190. С. 4.
46. <Объявление от редакции> // Московские ведомости. 1880. 3 июня. № 152. С. 2.
47. Галаган Г. Праздник свв. Кирилла и Мефодия в Вене (Письмо И.С. Аксакову) // Московские ведомости. 1880, 13 июля. № 192. С. 2–3.
48. Родичев Ф.И. Из воспоминаний // Современные записки. (Париж), 1933. Т. 53. С. 285–296.
49. Градовский А.Д. Мечты и действительность. (По поводу речи Ф.М. Достоевского) // Голос. 1880, 25 июня. № 174. С. 1–2.
50. Аксаков К.С. Разные отдельные заметки // Аксаков К.С. Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 1: Сочинения исторические. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. С. 625–632.
51. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы поэзии. Ермак: трагедия в стихах / подгот. А.П. Дмитриев, Б.Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2021. 684 с.
52. Речь И.С. Тургенева, читанная в публичном заседании Общества любителей российской словесности по поводу открытия памятника А.С. Пушкину в Москве // Вестник Европы. 1880. № 7. С. IV–XIII.
53. Г.У. <Успенский Г.И.> Пушкинский праздник (Письмо из Москвы) // Отечественные записки. 1880. № 6. С. 173–196.
54. Г.У. <Успенский Г.И.> На родной ниве (Очерки, заметки, наблюдения) // Отечественные записки. 1880. № 7. С. 109–121.
55. Н.М. <Михайловский Н.К.> Литературные заметки // Отечественные записки. 1880. № 7. С. 122–134; № 9. С. 124–140.
56. <Пыпин А.Н.> С Пушкинского праздника, 5–8 июля // Вестник Европы. 1880. № 7. С. XXI–XXXV.
57. Речь, произнесенная С.А. Юрьевым, при открытии им публичного заседания Общества любителей российской словесности, 7-го июня 1880 года. (По поводу открытия памятника Пушкину) // Русская мысль. 1880, Июль. С. 1–12.

References

(Sources)

Collected Works

1. Aksakov, I.S. *U Rossii odna-edinstvennaya stolitsa...* [Russia has only one capital...]. Moscow: Russkiy mir, 2006. 512 p.
2. Aksakov, K.S. *Raznye otdel'nye zamtki* [Different individual notes], in Aksakov, K.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 3 t., t. 1: Sochineniya istoricheskie* [Complete works in 3 vol., vol. 1: Historical writings]. Moscow: Tipografiya P. Bakhmeteva, 1861. 632 p.
3. Belinskiy, V.G. *Stat'i o Pushkine. May 1846 – sentyabr' 1846* [Articles about Pushkin. May 1846 – September 1846], in Belinskiy, V.G. *Polnoe sobranie sochineniy v 13 t., t. 7: Stat'i i retsenzii:*

1843; *Stat'i o Pushkine: 1843–1846* [Complete works in 13 vol., vol. 7: Articles and reviews: 1843; Articles on Pushkin: 1843–1846]. Moscow: Nauka, 1955. 740 p.

4. Dostoevskiy, F.M. Pushkin (Ocherk) [Pushkin (Sketch)], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 26: Dnevnik pisatelya 1877, sentyabr'–dekabr' – 1880, avgust* [Complete works in 30 vol., vol. 26: Writer's Diary 1877, September–December – 1880, August]. Leningrad: Nauka, 1984. 518 p.

5. Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 30, kn. 1: Pis'ma, 1878–1881* [Complete works in 30 vol., vol. 30, book 1: Letters 1878–1881]. Leningrad: Nauka, 1988. 455 p.

6. Khomyakov, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 1: Stikhotvoreniya. Perevody poezii. Ermak: tragediya v stikhakh* [Complete works and letters in 12 vol., vol. 1: Poems. Poetry translations. Yermak: a tragedy in verse]. Saint-Petersburg: Rostock, 2021. 684 p.

7. Pisarev, D.I. Pushkin i Belinskiy [Pushkin and Belinskiy], in Pisarev, D.I. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 7: Stat'i 1865 (yanvar'–avgust)* [Complete works in 12 vol., vol. 7: Articles 1865 (January–August)]. Moscow: Nauka, 2003. 669 p.

8. Turgenev, I.S. <Rech' po povodu otkrytiya pamyatnika A.S. Pushkina v Moskve> [<Speech on the publication of the monument to Alexander Pushkin in Moscow>], in Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 28 t., t. 15: Korrespondentsii; Rechi; Predisloviya; Otkrytye pis'ma; Avtobiograficheskoe i prochee. 1848–1883* [Complete works and letters in 28 vol., vol. 15: Correspondence; speeches; Preface; open letters; Autobiographical and more. 1848–1883]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1968. 495 p.

Individual works

9. <Aksakov, I.S.> A.S. Pushkin (Po povodu otkrytiya ego pamyatnika v Moskve). Rechi v zasedanii Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti 7-go iyunya 1880 goda. I. Rech' I.S. Aksakova [A.S. Pushkin (On the occasion of the opening of his monument in Moscow). Speeches at the meeting of the Society of Lovers of Russian Literature on June 7, 1880. I. Speech by I.S. Aksakov], in *Russkiy arkhiv*, 1880, no. 2, pp. 467–484.

10. Aksakov, I.S. Pis'ma Aksakovoy A.F. 1866–1885 [Letters to Aksakova A.F. 1866–1885], in *RGALI. F. 10. Op. 1. № 235*. 171 p.

11. <Aksakov, I.S.> Pis'ma I.S. Aksakova k F.M. Dostoevskomu [I.S. Aksakov's letters to F.M. Dostoevsky], in *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1972, issue 4, vol. XXXI, pp. 349–362.

12. Aksakov, I.S. Pis'ma k Milleru O.F. 1870–1883 i b. d. [Letters to Miller O.F. 1870–1883 and without date], in *Manuscripts Dept. of RGB. F. 93 II. Kart. 1. № 23*. 32 p.

13. Aksakov, I.S. Pis'ma k Tomashevskim E.A. i M.S. (rozhd. Aksakovoy). 1878–1885 [Letters to E.A. Tomashevsky and M.S. (born Aksakova). 1878–1885], in *Manuscripts Dept. of IRLI. F. 3. Op. 2. № 56*. 63 p.

14. <Aksakov, I.S.> Pis'mo I.S. Aksakova o Moskovskikh prazdnikakh po povodu otkrytiya pamyatnika Pushkinu [I.S. Aksakov's letter about the Moscow holidays on the occasion of the opening of the monument to Pushkin], in *Russkiy arkhiv*, 1891, no. 5, pp. 90–99.

15. F.B. <Bulgakov, F.I.> *Venok na pamyatnik Pushkinu. Adresy, telegrammy, privetstviya, rechi, chteniya i stikhi po povodu otkrytiya pamyatnika Pushkinu. Otzyvy pechati o znachenii Pushkinskogo torzhestva. Pushkinskaya vystavka v Moskve: Novye dannye o Pushkine: Pushkinskie dni v Moskve, Peterburge i provintsii* [A wreath on the monument to Pushkin. Addresses, telegrams, greetings, speeches, readings and poems on the occasion of the opening of the monument to Pushkin. Press reviews about the significance of Pushkin's celebration. Pushkin Exhibition in Moscow: New data about Pushkin: Pushkin Days in Moscow, St. Petersburg and the provinces]. Saint-Petersburg: Tip. i khromolit. A. Transhelya, 1880. 354 p.

16. Galagan, G. Prazdnik svv. Kirilla i Mefodiya v Vene (Pis'mo k I.S. Aksakovu) [The Feast of St. Cyril and Methodius in Vienna (Letter to I.S. Aksakov)], in *Moskovskie vedomosti*, 1880, 13 July, no. 192, pp. 2–3.

17. Gradovskiy, A.D. Mechty i deystvitel'nost'. (Po povodu rechi F.M. Dostoevskogo) [Dreams and reality. (About F.M. Dostoevsky's speech)], in *Golos*, 1880, 25 June, no. 174, pp. 1–2.
18. G.U. <Uspenskiy, G.I.> Na rodnoy nive. (Ocherki, zametki, nablyudeniya) [In his native field. (Essays, notes, observations)], in *Otechestvennye zapiski*, 1880, no. 7, pp. 109–121.
19. G.U. <Uspenskiy, G.I.> Pushkinskiy prazdnik. (Pis'mo iz Moskvyy) [Pushkin's holiday. (Letter from Moscow)], in *Otechestvennye zapiski*, 1880, no. 6, pp. 173–196.
20. <Katkov, M.N.> Moskva, 5 iyunya [Moscow, June 5], in *Moskovskie vedomosti*, 1880, 6 June, no. 155. *Osoboe pribavlenie*, p. 2.
21. Katkov, M.N. Pushkin, in *Russkiy vestnik*, 1856, vol. 1, book 1, pp. 155–172; book 2, pp. 306–324; vol. 2, book 2, pp. 281–310.
22. Khronika [Chronicle], in *Novoe vremya*, 1880, 19 June, no. 1546, pp. 3–4.
23. Kolomenskiy Kandid <Mikhnevich, V.O.> Vchera i segodnya [Yesterday and today], in *Novosti*, 1879, 18 March, no. 70, pp. 1–4.
24. Koshelev, A.I. Otzyv po povodu slova, skazanogo F.M. Dostoevskim na Pushkinskom torzhestve [Feedback on the word spoken by F.M. Dostoevsky at the Pushkin celebration], in *Russkaya mysl'*, 1880, Oktyabr', pp. 1–6 (6-th pagin.).
25. Kovalevskiy, M.M. Vospominaniya ob I.S. Turgeneve [Memoirs of I.S. Turgenev], in *I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov. T. 2* [I.S. Turgenev in the memoirs of contemporaries. Vol. 2]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983, pp. 134–148.
26. Kupchanko, G. Iz Veny [From Vienna], in *Moskovskie vedomosti*, 1880, 11 July, no. 190, p. 4.
27. Lanskiy, L.R. Dostoevskiy v neizdannoy perepiske sovremennikov (1837–1881) [Dostoevsky in the unpublished correspondence of his contemporaries (1837–1881)], in *Literaturnoe nasledstvo*, 1973, vol. 86, pp. 349–564.
28. Lavrov, P.L. I.S. Turgenev i razvitie russkogo obshchestva [I.S. Turgenev and the development of Russian society], in *I.S. Turgenev v vospominaniyakh revolyutsionerov-semidesyatnikov* [I.S. Turgenev in the memoirs of the Revolutionaries of the Seventies]. Moscow; Leningrad: Academia, 1930, pp. 15–88.
29. Mostovskaya, N.N. (ed.). *Letopis' zhizni i tvorchestva I.S. Turgeneva (1876–1883)* [Chronicle of the life and work of I.S. Turgenev (1876–1883)]. Saint-Petersburg: Nauka, 2003. 622 p.
30. N.M. <Mikhaylovskiy, N.K.> Literaturnye zametki [Literary notes], in *Otechestvennye zapiski*, 1880, no. 7, pp. 122–134; no. 9, pp. 124–140.
31. <Ob'yavlenie ot redaktsii> [Announcement from the editorial board], in *Moskovskie vedomosti*, 1880, 3 June, no. 152, p. 2.
32. Opochinin, E.N. Besedy s Dostoevskim (Zapisi i pripominaniya) [Conversations with Dostoevsky (Notes and recollections)], in *Zven'ya: sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstvu i obshchestvennoy mysli XIX veka* [Zvenya: Collection of materials and documents on the history of literature, art and social thought of the XIX century]. Moscow; Leningrad: Academia, 1936, vol. 6, pp. 454–494.
33. Pis'ma A.I. Kosheleva k I.S. Aksakovu (1881–1883 gg.) [Letters of A.I. Koshelev to I.S. Aksakov (1881–1883)], in *O minuvshem: Istoricheskiy sbornik* [About the past: A historical collection]. Saint-Petersburg, 1909, pp. 406–416.
34. <Pypin, A.N.> S Pushkinskogo prazdnika, 5–8 iyulya [From the Pushkin Holiday, July 5–8], in *Vestnik Evropy*, 1880, no. 7, pp. XXI–XXXV.
35. Rodichev, F.I. Iz vospominaniy [From a memory], in *Sovremennye zapiski* (Parizh), 1933, vol. 53, p. 286.
36. *Russkaya mysl': Zhurnal nauchnyy, literaturnyy i politicheskiy*. 1880. Mart.
37. <Samarin, D.F.> «A vpechatlenie bylo poistine neobychnoye...» (pis'mo D.F. Samarina o Pushkinskoy rechi Dostoevskogo) [“And the impression was truly extraordinary...” (a letter from D.F. Samarin about Dostoevsky's Pushkin speech)], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: Al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: An Almanac]. Moscow: Klassika plus, 1997, issue 9, pp. 251–255.

38. <Strakhov, N.N.> A.S. Pushkin. – Materialy dlya ego biografii i otsenki proizvedeniy – P.V. Annenkova [A.S. Pushkin. – Materials for his biography and evaluation of works – P.V. Annenkova], in *Grazhdanin*, 1873, 23 April, no. 17, pp. 523–524.

39. Telegrammy (Ot spetsial'nykh korrespondentov «Golosa») [Telegrams (From special correspondents of the “Golos”)], in *Golos*, 1880, 7 June, no. 157, p. 4.

40. <Turgenev, I.S.> Rech' I.S. Turgeneva, chitannaya v publichnom zasedanii Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti po povodu otkrytiya pamyatnika A.S. Pushkinu v Moskve [Speech by I.S. Turgenev, read at a public meeting of the Society of Lovers of Russian Literature on the occasion of the opening of the monument to A.S. Pushkin in Moscow], in *Vestnik Evropy*, 1880, no. 7, pp. IV–XIII.

41. Turgenev v materialakh perlyustratsii III otdeleniya i departamenta politzii. I. Pis'ma k Turgenevu i otzyvy o nem (1861–1879) [Turgenev in the materials of the perustration of the III department and the police Department. I. Letters to Turgenev and reviews about him (1861–1879)], in *Literaturnoe nasledstvo*, 1967, vol. 76, pp. 321–327.

42. <Yur'ev, S.A.> Rech', proiznesennaya S.A. Yur'evym, pri otkrytii im publichного zasedaniya Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti, 7-go iyunya 1880 goda. (Po povodu otkrytiya pamyatnika Pushkinu) [Speech delivered by S.A. Yuryev at the opening of the public meeting of the Society of Lovers of Russian Literature, June 7, 1880. (About the opening of the monument to Pushkin)], in *Russkaya mysl'*, 1880, Iyul', pp. 1–12.

(Articles from Scientific Journals)

43. Badalyan, D.A., Kotov, A.E. «...Bessmyslitsa konstitutsionnykh uchrezhdeniy, perenesennykh na slavyanskuyu pochvu»: Peregipiska P.A. Kulakovskogo i I.S. Aksakova 1880–1886 gg. [“...Nonsense of constitutional institutions transferred to Slavic soil”: Correspondence of P.A. Kulakovsky and I.S. Aksakov 1880–1886], in *Slavistika*, 2014, no. XVIII, pp. 557–624.

44. Fokin, P.E., Petrova, A.V. «Pushkinskaya rech'» F.M. Dostoevskogo kak sobytie (po materialam rukopisnogo fonda Gosudarstvennogo muzeya istorii rossiyskoy literatury im. V.I. Dal'ya) [“Pushkin speech” F.M. Dostoevsky as an event (based on the materials of the manuscript collection of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl)], in *Neizvestnyy Dostoevskiy*, 2020, no. 2, pp. 162–195.

45. Generalova, N.P. Neveroyatnoe puteshestvie Turgeneva v Peterburg i Moskvu (fevral'–mart 1879 goda) [Turgenev's incredible journey to St. Petersburg and Moscow (February–March 1879)], in *Russkaya literature*, 2018, no. 3, pp. 76–96.

46. Viktorovich, V.A. «Pushkinskaya rech'» Dostoevskogo v svidetel'stvakh sovremennikov [“Pushkin's speech” of Dostoevsky in the testimonies of contemporaries], in *Neizvestnyy Dostoevskiy*, 2020, no. 4, pp. 48–69.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

47. Badalyan, D.A. «Prototipy» idey Pushkinskoy rechi F.M. Dostoevskogo v proizvedeniyakh A.S. Khomyakova, I.V. Kireevskogo i I.S. Aksakova [“Prototypes” of the ideas of Pushkin's speech by F.M. Dostoevsky in the works of A.S. Khomyakova, I.V. Kireevsky and I.S. Aksakov], in *Rossiya i mir: vchera, segodnya, zavtra. Nauchnye trudy MGI im. E.R. Dashkovoy*. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy, 2003, pp. 363–371.

48. Badalyan, D.A. Publitsistika slavyanofilov o Petre I i ego reformakh [Publicism of the Slavophiles about Peter I and his reforms], in «*On ves' kak Bozhiya groza*»: *Obraz Petra I v russkoy dorevolutsionnoy zhurnalistike* [“About everything like a God's Thunderstorm”: The Image of Peter in Russian pre-revolutionary Journalism]. Saint-Petersburg: Aletyya, 2022, pp. 113–144.

49. Kunil'skiy, D.A. Vozvrashchenie k Pushkinu. Pushkinskaya rech' I.S. Aksakova kak rezul'tat evolyutsii slavyanofil'stva [Return to Pushkin. Pushkin's speech by I.S. Aksakov as a result of the evolu-

tion of Slavophilism], in *Khristianstvo i russkaya literatura. Sbornik 8* [Christianity and Russian literature. Collection 8]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2017, pp. 487–500.

50. Pirozhkova, T.F. «Zhivaya svyaz' lyubvi» (O rechi I.S. Aksakova na Pushkinskikh torzhestvakh 1880 g.) [“Living connection of love” (On the speech of I.S. Aksakov at the Pushkin celebrations in 1880)], in *E.R. Dashkova i A.S. Pushkin v istorii Rossii* [E.R. Dashkov and A.S. Pushkin in the history of Russia]. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy, 2000, pp. 130–141.

51. Shmidt, S.O. Pushkin i Pushkinskiy prazdnik v Moskve 1880 g. [Pushkin and the Pushkin Feast in Moscow 1880], in Shmidt, S.O. *Posle 75. Raboty 1997–2001 godov*. Moscow: Izdatel'skiy tsentr RGGU, 2012, pp. 254–300.

52. Viktorovich, V.A. Chetyre voprosa k Pushkinskoy rechi [Four Questions to Pushkin's Speech], in *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya. T. 17* [Dostoevsky: Materials and research. Vol. 17]. Saint-Petersburg: Nauka, 2005, pp. 275–301.

(Monographs)

53. Budanova, N.F. *Dostoevskiy i Turgenev: Tvorcheskij dialog* [Dostoevsky and Turgenev: Creative Dialogue]. Leningrad: Nauka, 1987. 196 p.

54. Kleymenova, R.N. *Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti. 1811–1930* [Society of lovers of Russian literature. 1811–1930]. Moscow: Academia, 2002. 624 p.

55. Levitt, M.Ch. *Literatura i politika: Pushkinskiy prazdnik 1880 goda* [Literature and Politics: Pushkin's Feast of 1880]. Saint-Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo “Akademicheskij proekt”, 1994. 262 p.

56. Volgin, I.L. *Posledniy god Dostoevskogo* [The last year of Dostoevsky]. Moscow: AST; Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2017. 789 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

57. Vikhrova, N.N. *Ivan Sergeevich Aksakov i «pushkinskiy vopros» v russkoy literature*. Diss. ... kand. filol. nauk [Ivan Sergeevich Aksakov and the “Pushkin Question” in Russian Literature. Cand. philol. sci. diss.]. Velikiy Novgorod, 1999. 232 p.